

Якса. Бес идет за мной

Автор:

Яцек Комуда

Якса. Бес идет за мной

Яцек Комуда

Шедевры фэнтези

Королевство Лендия пало на колени перед дикой ордой кочевников – хунгуров. Предатели становятся победителями, а останки великих воинов гниют в полях. Но для хунгуров нападение не прошло без потерь. Одному из рыцарей удастся хитростью убить великого кагана, и теперь сын рыцаря, Якса, обречен на вечное бегство, на жизнь проклятого, спасаясь от мести захватчиков. Судьба заведет его в Великую Степь, столкнет с последними защитниками Лендии, с чудовищами, с живыми деревьями, которые воскрешают и порабащают мертвых, и со странным монашеским орденом. Якса помнит, что должен отомстить за свою семью и за свою землю, но как сохранить в себе доброту и остатки человечности, на каждом шагу видя предательство и жестокость? Якса знает, что бес всегда дышит ему в спину, но, возможно, тот уже давно завладел его душой.

Яцек Комуда

Якса. Бес идет за мной

Jacek Komuda

JAKSA: BIES IDZIE ZA MNA

Copyright © 2018 Jacek Komuda

© Сергей Легеза, перевод, 2022

Copyright © by Fabryka Slow sp. z o.o.

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

Орда

– Будь они прокляты! – обронил король Лазарь. Он возвышался над собравшимися, как памятник совершенству: горделивый, седобородый, с белизной на выбритых висках. Волосы чуть выбивались из-под короны и стекали на плечи, укрытые ало-золотистой сюркоттой. Корона Ведов была потемневшей, но столь же горделивой, как и владыка. Блеск старого золота смешивался с синими и зелеными вспышками сапфиров и изумрудов, с белым сиянием жемчужин. Блестела дубовая листва на изукрашенном обруче.

– Всяк, в ком лендийская кровь, кто лендичем зовется, кто приносил клятву моему величию, но не прибыл на бой с хунгурами, да будет проклят!

– Проклят в доме и во дворе, проклят во граде и на пашне, проклят сидя, стоя, на коне, в питии, в работе и во сне, – вторили хором два придворных инок Праотца и иерарх Старой Гнездицы – старец с белой бородой и посохом, украшенным цветом божественной яблони.

– Чтоб не знали они ни сына, ни дочки, – гремел король. – И чтобы не родило ничто, к чему они прикоснутся. Ни вино, ни белая пшеница!

– Проклят пусть будет он так, чтобы ни члена здорового в нем не осталось, от макушки до пальцев стопы, – вторил хор духовных голосов. – Да вытекут внутренности его, а все тело да источат черви!

– Чтоб они захирели. Чтоб род их угас. Прокляты! Прокляты! Трижды прокляты!

– Прокляты купно с Чернобогом-предателем и Волостом-лжецом! С Продосом, мерзким карликом измен, и с Ханой кривоклятвенной, и с Антом-мужебойцем! – закончили духовники.

Лазарь надрезал ладонь правой руки и возложил ее на Знак Копья, воткнутый в камень посреди королевского шатра.

– Ступай, кровь, к оружию. Мы, лендичи, предпочтем железо пред золотом, и им защищаемся. Ступай, кровь, ко крови, свидетельствуй о моих словах!

– Во имя Праотца!

Не сказать, что слова проклятия пали в пустоту. Собравшиеся в королевском шатре властители и рыцари стояли неподвижно под стенами, на минуту прекратив беседовать да кивать друг другу над поставленными в форме подковы столами.

Лазарь вытянул руку, вытер ее о рушник, поданный оруженосцем, вернулся на свое место и теперь поднимал золотую чашу.

– Се последний пир перед битвой. Выпьем же за победу, поскольку без нее... не вернемся. Лишь бы Праотец дал нам победу, а Есса позволил лечь в Короне Гор, в пещерах меж королями-духами, славными нашими предками.

Вокруг вскипело. Десятки рук ухватили кубки и рога. Князья, иноки, палатины, достойники – все высокие и крепкие, жилистые и статные. Фигуры в сюркоттах, коротких куртках-туниках и стеганках, украшенных блестящими клепками, с красными и сине-желтыми гербами на груди. Люди со старыми морщинистыми лицами, на которых солнце и вражеское железо резали знаки геройства и отваги. Позади маячили лица рыцарей с подбритыми висками – лендичей. А рядом с ними загорелые от горного и степного ветра лица господарей Монтании и Подгорицы – суровые, бородатые, заросшие морды князя Дрегови и его приближенных дружинников.

Добавь к тому дым, лезущий в глаза и встающий над огнем посреди шатра, запах железа от мечей и доспехов да темные следы, оставленные на одеждах гостей панцирями. И красный отблеск закатного солнца, бьющего в полотняные

стены шатра. Тот, что ложился на короля Лазаря и его рыцарей будто кровь.

– Мы идем против них уже десять дней, – сказал король, – и все еще не ведаем, из какой бездны они вышли. Наверняка могу сказать одно: королевство наше, Великая Лендия, стоит у них на пути, как скала против морской волны.

– Хунгуры, – тихо произнес иерарх. – Народ дикий, степной. Не знают ни законов Праотца, ни его Знака. Превышают жестокостью всех известных нам тварей земных. Столько-то вычитали мы в хрониках.

– Откуда они приходят?

– Из бездны Чернобога, – ответил инок Гоштыл. – Они идут следами наших отцов, дорожкой, которой века назад прибыли веды, когда Есса вывел их из Тооры. Это бич Праотца! Кара за преступления, которые совершили мы, отступив от законов Ессы.

– Пьют они только воду и едят трупы, пищей служат им штука конского мяса, вяленая под седлом, одеждой – баранья шкура, ложе – земля рядом с их шатром, а степь... Праотцом, – закончил королевский поверенный инок Иво, прозванный Голубком.

– Пьют кровь, а для излечения ран используют рубленые сердца врагов, – добавил кто-то сзади.

– Коням подрезают ноздри, чтоб тем легче дышалось.

– Будто псы, пьют испорченное кобылье молоко. Едят котов, мышей и крыс.

– Государь мой, – склонился над столом князь Дреговии, да так, что заколыхалась его толстая золотая цепь, упавшая на жирное брюхо. Был это большой и сильный мужчина, с бородой лопатой, грубо тесанный, как и все его племя. Стоящие за ним витязи в сегментированных на груди доспехах казались его отражением: крупные и статные, в зеркальных латах и панцирях. – Могу вас уверить, что, когда первые из них осаживали Радуницу, они ели мясо мертвых как упыри, но сперва всегда его варили.

– Так или иначе, – сказал Домарат Властович, человек с красивым благородным лицом, королевский палатин Лендии, – они едят врагов.

– Давайте не будем говорить о поганных за ужином, – проворчал его товарищ, худой и сожженный солнцем Фулько. – Се идет смертельная желчь с востока. У воинов ее порезанные лица и бритые головы с косицами, а ежели они украшают их рогами Волоста, значит, они его братья, помет Чернобога.

– Уродливые и кривые, – добавил светловолосый и весь в шрамах Христин из Ястребна, палатин Младшей Лендии. – С мощными загривками, они как двуногие звери или идолы. Проклинают именами мертвых родичей, побежденным отрезают головы и сносят те своему кагану.

– Лица их непристойны, они – проклятие для Праотца и нас, рыцарства, – произнес иерарх. – Как бесформенный корж с дырами вместо глаз. Детям режут щеки, чтобы приучить их к боли.

– Волосатые ноги обертывают козьими шкурами, на головах носят шапки с рогами, и рога эти втыкают, куда придется: в плечи и локти, украшают ими лошадей, – говорил дрожащим голосом инок Иво. – Женщины их все время сидят по повозкам, где ткут шерсть, сожительствуют с мужьями и собственными лошадьми, а детей-уродцев рожают в навозе, чтоб те были крепки против болезней. Мужчины живут лишь на конях, верхом. Нет у них постоянных усадеб.

– Тех, кого берут в рабство, клеймят.

– Сопровождают их безбожные женки на конях, – сказал Фулько, а рыцари оживились, будто вообразили себе боевых девиц верхом на жеребчиках.

– И наверняка они, невзирая на женскую честь, – буркнул Иво, – ездят по-мужски.

– О-о-о, верно вы говорите! – поднялся господин Ворштыл. – В таком-то случае хунгуры – просто дурная орда неразумных забияк, которых мы быстро обратим в свою веру нашими большими мечами. И пошлем взбивать масло в пахталках.

– Да, месить тесто!

– Баба с конюшни – коням в радость! – фыркнул палатин Христин. – Сбегут, прежде чем мы вынем наши мечи.

Вокруг раскатился смех, а мрачное настроение исчезло, изгнанное по углам виватами, шуточками и цепочкой слуг, которые стали вносить в шатер золотые блюда с дичью и птицей с огня; с ветчиной, завернутой в листья хрена, и запеченными в горшочках свинными четвертями. Поднялся шум, начались разговоры. Вино полилось в кубки и рога, красное будто кровь.

И тогда встал худой мужчина с длинными черными волосами да изрядными усищами. В алых одеждах, украшенных золотыми плашками у пуговиц. В колпаке с нашитыми крупными рубинами, похожими на пятна крови. Снял шапку, склонился покорно. Мирча Старый, господарь Монтании, которой они шли еще вчера.

– Милостью Ессы, святого глашатая законов, позвольте мне сказать, благородные господа веды, – произнес он униженно. – Есть дела, о которых вы должны узнать нынче, поскольку завтра будет поздно.

– Говорите, господарь, – махнул рукой Лазарь. – Хоть я не знаю, что еще может растревожить нас перед боем с дикими язычниками.

– Хунгуры немного известны мне, господин. Доходили до меня слухи, как они сражаются. В первой стычке засыпают врага стрелами. Ни в коем случае нельзя за ними гнаться, поскольку они сбегают, чтобы завлечь тебя в засаду. Рыцарям до?лжно...

– Мы сами прекрасно знаем, каковы долженствования лендийских господ, – прервал его Фулько. – Может, вы и сбегаете, господарь, когда они мечут в вас свои свистящие стрелы, но мы не покидаем поля боя раньше, чем падет последний бес из степи. Встанем подобно стене!

– В этом и весь фокус: встав шеренгами, вы подставитесь под их стрелы. Следовало бы разомкнуть строй, чтобы уменьшить потери.

– Как челядь, простецы или твоя монтанская кавалерия, сударь господарь?

– Я никогда не говорил, что вы пугливы, – Мирча поднял глаза, – а в присутствии нашего владыки я глух к оскорблениям. Но вы не видели их луков. Некогда показывали мне один, и я вострепетал, – он взглянул на Лазаря, словно ища поддержки. – Они выгнуты назад и оклеены рогом. Бьют одоспешенных людей за пятьсот длинных шагов.

– Против луков у нас есть броня и сварнийские доспехи из Скальницы. У нас сильные кони, в то время как хунгуры, как я слыхивал, ездят на косматых псах. Советую вам: лучше, господарь, молитесь о том, чтобы они от нас не сбежали.

– Эй, брат, – проворчал в сторону Фулько господин Домарат. – Не прерывайте; делаетесь тогда яростнее самого?... королевского палатина. А ведь на турнире не выиграли у меня.

– Потому что у вас... никто не выиграет. Вы – мастер меча, владыка копья, как стена отбивает удары. Другими словами... простите, – Фулько прикрыл глаза. Поклонился, не вставая с лавки.

– Господарь... – начал Лазарь. – Напомните мне, как зовется их... король?

– Каган, господин. Горан Уст Дуум. Великий, величайший, трижды великий Горан, каган Бескрайней Степи, Даугрии и Югры. Владыка тварей, коней и всех народов от Дреговии до Китмандских гор. Князь Красной и Черной Тайги, угорцов, чейенов, саков и даугров.

– Откуда... где скрывались до сих пор столь... демонические люди?

На этот раз встал и поклонился господарь Подгорицы – Рареш, некогда зовомый Самодержцем, но с той поры, как он ближе познакомился с мечами лендичей, был уже лишь князем. Человек жестокий и дикий, как сама Подгорица. С широкой ряхой, рыжеватой бородой, разделенной надвое, без левого глаза, на месте которого сверкал зеленый камень. Был он увешан золотом, словно языческий идол, и оттого сверкал сильнее, чем его суверен – король Лендии.

– Это-о-о не люди, великий король. Мы слышали о них, вести носит ветер. Пришли они с Дальнего Востока, из мест, нам незнакомых. Прodelали немалый путь, не повернут и наверняка не остановятся.

– И потому, – Лазарь поднял свой кубок, – хорошо, что мы станем с ними биться в степях, пока далеко от границ, вместо того чтобы позволить им перелиться через горы, словно волнующееся море. Только бы битва принесла мне спокойный сон в гротах королей-духов в Короне Гор.

– Ты сказал, господин, – склонил голову Рареш. – Пью ваше здоровье, король Старой Гнездицы и Скальницы! Владыка Дуба Расхождения. Суверен Подгорицы, будущий победитель мерзкого кагана Горана, триумфатор Рябого поля.

Они вставали по очереди – князя и господа, рыцари и жрецы.

– Надеюсь, – слабо произнес Лазарь, – что вы не скрываете под этим тостом измены. И что все вы, как один муж, броситесь со мною в бой, из которого мы не можем выйти иначе, чем со щитом победы.

Лазарь заглянул в темные глаза Мирчи, поймал пустой взгляд Свана, уперся в единый глаз господаря Подгорицы, смотрел на лица Драгомира, Христина, Домарата, рядом с которым сидели Фулько и мужчина с поседевшими волосами, благородными чертами лица и короткой бородой... Милош из Дружицы. Он тоже поднял кубок за здоровье короля. При этом так сжимал пальцы, что те побелели. Не хотел, чтобы остальные увидели, как они дрожат.

* * *

– Хорошо, что вы здесь...

Чамбор ждал за королевскими стражниками. Племянник по сестре Милоша был высоким юношей со светлыми, по-рыцарски подбритыми волосами, в тесно облегающей клепаной стеганке, с мечом у левого бока и кинжалом у правого. На утепленной одежде у него была куртка с гербом – Ливой, золотой звездой, вписанной в тонкое кольцо полумесяца на синем поле. Рядом с ним стоял лишь один слуга – мрачный усач, который все выполнял неторопливо, зато мало говорил, что нравилось его господину.

– Приветствую вас, дядя, – сказал юноша хриплым, но красивым голосом. Осмотрелся. – Вы одни у короля были? Без ваших людей?

– Пойдем-ка со мной, – кивнул Милош.

Двинулся лагерем, что погружался во тьму. Небо над ними было чистым, выметенным от туч, а останки вечера умирали позади лагеря, за Южным Кругом гор. Там, на выбеленных вершинах, еще царила зима, в то время как на Рябом поле уже начиналась горячая степная весна. Бескрайняя Степь, покрытая холмами и длинными валами взгорий, возрождалась к жизни молодой травой, взлетающими там и сям стаями дроф, тетеревов и куропаток, клиньями гусей, что тянулись днем к горам. Бескрайностью серо-синих просторов и холмов, что ложились под копыта коня как разноцветный ковер.

В лагере царил гомон. Перед шатрами, изукрашенными гербами, с шестами, увенчанными вырезанными из дерева головами коней и диких тварей, горели огни и смоляная щепка в железных корзинах. Между шалашами и палатками порой вырывался сбивающий с мысли лязг молотков: кузнецы и подмастерья ковали подковы, правили доспехи, шлемы и шишаки, оружейники латали кольчуги и бармицы. Слуги ходили с ведрами, поили лошадей; запах коней, быков и других животных, обещающий погоню, бой и страх, вверчивался в нос, мешаясь с кислым запахом дыма.

– Хочется в бой, дядя, – сказал Чамбор. – Не могу дождаться битвы и трофеев: хунгурских коней, оружия, шатров. Их каган пьет ведь с золота, не из дерева!

– Это твоя первая битва, сыне?

– Я уже опоясан мечом, дядя! Сам палатин Старшей...

– Ты слишком уверен в победе.

– А как иначе, дядя? Как может быть по-другому? Столько рыцарства я не видывал... даже во сне. Разгоним эту босоту, разнесем на четыре стороны Ведды.

– Шпоры тебе, кажется, за глупость дали.

– Как?! Что вы такое говорите? Я ведь побил и повалил Драга – так, что земля затряслась. На турнире в Старой Гнездице. Дядя, когда бы это сказал другой

человек, а не вы, я...

- И что бы ты мне сделал?

- Вам - ничего. - Чамбор закусил губу. - Отец наказал вас слушаться. Вот я и слушаюсь. Все дурное выпускаю... в другое ухо.

Они шли молча, глядя на лагерь, бьющиеся на ветру хоругви лендичей, украшенные башками кабанов, медведей да туров станицы монтанов, дреговичей и подгорян. Проходили мимо шатров рыцарских и владычных - круглых и овальных, двух- и одностолбных. Украшенных выющимися, подобно змеям, орнаментами и тамгами.

Милош отозвался, лишь когда они добрались до его скромного постоя. Два воза, кони привязаны к вколоченным в землю столпам, под полотняным навесом. Широкий длинный шатер, украшенный гербом - Дружицей. Костер давно угас.

- Чамбор, я позвал тебя, поскольку тебе доверяю. Тебе одному.

- Большая честь для меня, дядя. Мой меч...

- Мне не нужен меч, мне нужен твой разум. Ты молодой, смелый и порывистый, только рассудительности тебе недостает. Но это придет со временем, надеюсь.

Чамбор не стал возражать.

- Хочу попросить тебя кое о чем: чтобы ты опекал моего сына.

- Бойтесь смерти? Вы, славный Милош из Дружицы? А меня называете глупцом?

- Никто не ведает, что нам на завтра писано. Сыну моему пять... нет, шесть весен. Он в Дружице с моей... женой.

- Что я, нянька, дядя? Я приехал, чтобы сражаться, а не детишек развлекать.

Милош ухватил его за стеганку под шеей. Сильно, хищно, словно вместо пальцев у него выросли когти.

– Не болтай почем зря, меня и так от ярости трясет, – крикнул. – Тебя, когда ты был мал, тоже кто-то вынес из горящего подворья во время битвы с дреговичами. Иначе ты здесь не стоял бы, дурья твоя башка!

Дернул его и толкнул, потом убрал руку.

– Не сердитесь... Я просто... Отчего не поручите опеку кровному брату, Пелке?

– Они слишком хорошо знакомы с Венедой, – отрезал Милош. Тряхнул головой, словно избавляясь от дурных воспоминаний. – Слово мое и волю подтвердит Прохор, старший слуга, и брат Лотар из пустыни в Могиле.

– Что ж. – Чамбор явно не слишком радовался, поглядывал во все стороны, избегая взгляда Милоша. – Как я сказал, отец наказал вас слушаться и почитать. А потому – повинуюсь и стану приглядывать за вашим сыном.

– Под клятвой. Говори. Прошу...

Толкнул племянника, потом изо всех сил ударил его по плечу, а пойманный врасплох юноша припал на одно колено.

– На мече, – Чамбор схватил оружие, вынул клинок из ножен на ладонь. – Во имя Единого Праотца и его сопomoщника Ессы, клянусь моей рыцарской честью, что приму опеку над вашим сыном, пусть бы и пришлось мне забрать его из Дружицы в Дедичи...

– Благодарю. Это всё.

– Вы правда думаете, что мы проиграем, дядя? Вы, королевский рыцарь...

– Я не думаю, я действую, дорогой мой. Обстоятельства... запутанны.

– А где ваши люди? – Чамбор осмотрелся на стоянке Милоша. – Кони не вычищены, и меры овса не видно, траву выели под ногами. Где Гевальт и

Спытко? И трое невольных, что вы в поход взяли? Эх, бить их дубовой палицей, пока не возьмутся за ум.

– Должно быть, сбежали.

– Гевальт? Оруженосец? Это ведь смертное дело!

– Ага, – кивнул Милош. – Смертное дело. Это ты хорошо сказал.

– Но ведь... – Чамбор отбросил полотняный полог, прикрывающий сверху воз, – ...оставили оружие. Доспехи, сюркотты? Не чищены, даже старая кровь осталась.

Милош дернул за полотно, опустил его и прикрыл воз. Нервно, неловко.

– Не пригласите на вино?

– Ступай уже, Чамбор. Оставь меня одного. Думай о славе, которую завоеешь завтра на Рябом поле. И о моем сыне. И помни, он зовется Якса.

Милош склонился над возом, поднял круглый черненый сварнийский шлем с забралом для лица, оставляющим лишь отверстия для глаз, подцепил тяжелую шелестящую кольчугу, украшенную на плечах пластинами. Его рука дрожала, когда он перебрасывал броню через плечо. Дернул за шнур завесы, привязал его к чеке у колеса воза. Затем отошел от шатра. Перед тем как уйти, еще оглянулся и попрощался с Чамбором взмахом руки. Отступил в темноту.

Его бледное благородное лицо исчезло в темноте, словно лик призрака.

– Эх, дядя, – сказал Чамбор сам себе. – Не будет тебе нынче так же хорошо, как жене твоей, Венеде, в постели придворного инокка...

Арна.

Имя последнего он не произнес. Уже все, пожалуй, знали, что происходило в доме старшего из рода Дружичей. Но Чамбор не сказал бы этого прямо, не ляпнул бы дяде в глаза, несмотря на высокомерие недавно получившего пояс и

шпоры рыцаря. Отец приказал ему слушать Милоша и исполнять его волю в этом походе. А спорить с родителем не следовало.

* * *

Милош входил в шатер медленно, осторожно, чтоб не зацепиться за ковер и не споткнуться о ложе из шкур, брошенных на солому. А может, и затем, чтоб предупредить нечто или некоего, притаившегося во тьме.

– Дружица! Дружица! – произнес он, словно к кому-то обращаясь.

Что-то зашелестело; кто-то или что-то находилось под покровом. Из угла за столом раздалось шуршание, поскребывание. Блеснул желтоватый свет, когда зажглась лампада. Сияние ее росло, ширилось, делалось отчетливее.

С ним вместе с раскинутых на шкурах и соломе матов поднималась зловещая, словно тень, фигура.

Огромный мужчина со смуглой кожей и длинными, смазанными жиром усами. Будто и не человек вовсе, поскольку голова его была продолговатой, сужающейся кверху, глаза же – раскосыми и черными, а черты – дикими. Бритая макушка отрастала черной щетиной, сбоку же волосы были заплетены в косички. Носил он грубый коричневый кафтан, простеганный толстой дратвой, украшенный по сторонам золочеными узорами. Милош глядел на него, словно тот был зеркалом его мрачной и обиженной души.

– Хунгур, – сказал он. – Хорошо, что ты еще здесь.

– Я Даркан Баатур, – сказал тот неприятным гортанным голосом. – Не оскорбляй меня, говоря со мной как с рабом, лендич. Как выпустишь коня, еще можешь его поймать. Как обронишь на одно слово больше, чем нужно, уже его не схватишь.

Милош бросил на стол шлем и кольчугу.

– Завтра утром ты наденешь этот панцирь, лицо закроешь забралом. Пойдешь в бой рядом со мной, чтобы никто тебя не узнал. Молчи, а если спросят, показывай на меня. Я все объясню и растолкую.

– Будет так, как мы говорили, лендич.

– Я дам тебе меч, чтобы ты не обращал на себя внимания.

– Все, что у тебя есть, будет принадлежать кагану. А нынче я заберу только это, – Баатур наклонился и поднял с земли мешок, наполненный чем-то округлым и тяжелым. – Твоя униженная гордыня вымостит нам путь к Горану.

– Моя гордость и моя честь, – прохрипел Милош. – Завтра с утра... выполни все, как условились.

– Если ты предашь... – хунгур потрянул мешком, – станешь служить мне после смерти. Как они, – постучал пальцем по коже.

– Не нужно меня пугать. Я и так уже проклят. Со всем своим родом, душой, с... – он заколебался, – ...с моим любимым сыном. До десятого колена.

* * *

Из большого королевского шатра, опирающегося на четыре столпа, он вышел в теплый свет утреннего солнца, в лагерь, обметанный поверху растрепанной линией белых и красных верхушек, а ниже – железом шлемов и рыцарских панцирей, окруженный хлопаньем реющих хоругвей и флажков. Король был в броне, называемой пластинчатой, покрытой окрашенной в красный и коричневый цвета кожей, с гербом Лендии на короткой сюркотте. На его голове вместо шлема красовалась Дубовая Корона Ведов.

Королевский войсковой Ольдрих ждал подле Турмана – верного коня, валаха, белого как молоко. Сварнийский конь, горделивый, с округлым задом, большой головой, жилистой шеей и развевающейся гривой. Покрыт он был чепраком с королевским гербом, Радаганом – золотой тамгой с мечом на кровавом поле. Под благородной головой свисал черно-седой бунчук. Шла весна, и кони линяли. Землю под ногами покрывали клубки белой шерсти, вычесанной с лошадиной спины.

У Лазаря было задумчивое пустое лицо. Прислужник придержал поводья, войсковой и оруженосец подали стремя, подставляя сцепленные руки под левую ногу короля. Подняли его на коня и посадили в седло, украшенное золотыми бляшками да нитями.

Король уверенно сел в седле, хотя все в нем дрожало: не мог найти правое стремя, пока его ногу не вложил туда оруженосец. Но когда он кивнул хорунжему и трубачу, его голос был подобен колоколу.

- Давайте сигнал!

Вверх пошла огромная хоругвь Старшей Лендии. Она развернулась на ветру, показывая серебряный дуб на зеленой горе. Ветер схватил ее в объятия и задержал тремя длинными языками.

Заревела большая королевская труба - над шатрами разнеслось эхо. Голос ее подхватили следующие, разнося сигнал над всем лагерем. Глухо забили барабаны и гудели низко, тяжело, так, что от них сводило желудок.

Король поехал сквозь охваченный шумом лагерь. Плыл над морем оружного люда, в облаке флагов, среди леса воздетых рогатин, копий и пик. Слева сидел Ольдрих, справа - палатин Домарат Властович, позади - оруженосцы, челядь и хорунжий.

Они выехали в поле; словно медленно текущая река бронированных всадников, из лагеря выплескивались группы рыцарей, оруженосцев и оружных слуг. Собирались на большом пустыре, затем тянулись на поле будущей битвы.

Шли недалеко - едва пять или восемь малых стадий за границу лагеря. На широкую равнину, что опускалась к югу, окруженная холмами и скалами, за которыми виднелась Бескрайняя Степь. Место, где мир соприкасается землей с оком, что и взглядом не охватить, а трава там всякий год встает все зеленее. Где с криками кружат орлы и ястребы. Где можно скакать без цели, странствовать без конца, от рассвета до вечера, от зимы до зимы, до края вечности, пока человек и конь не растворятся в зелени трав и чистой синеве неба.

- Стой! - скомандовал король. - Становись вправо-влево!

Земские и родовые хоругви лендичей, полки и сотни дреговичей и монтанов стали расходиться, делясь на колонны боевого построения, в порядок, принятый на совете днем ранее. Хоругви соединялись в полки, по восемь-десять, в две линии.

Лендийские рыцари в шлемах с прямыми наносниками, шишаках, украшенных наверху плюмажами, да в круглых гладких стальных чепцах с прицепленными кольчужными бармицами, ниспадающими на спину, ехали как на пир. В пластинчатых доспехах да кольчугах с наброшенными на них гербовыми туниками и сюркоттами. На мощных, сильных конях они становились вправо, под Драгомиром, палатином Старшей Лендии.

Королевские вассалы, князья, кастеляны, родовые хоругви занимали место в центре, соединяясь копытами в стену: плотно, сильно, с оруженосцами и пахолками за спинами.

В полк левой руки шли хоругви Младшей Лендии. На быстрых конях, шренявитах: стройных, худощавых, с задами как из железа, в нетерпении потряхивающих короткими благородными мордами. В шеренгах тут стояли рыцари в панцирях, чешуйчатой броне и клепаных стеганках.

За ними, в резерве, собиралась гончая хоругвь, а справа и слева, за линиями, полки ленников. Дреговичи с железными масками на лицах. Вооруженные луками, рогатинами и пиками. Рядом с ними – подгоряне на крупных мохнатых конях, в кожанках, шкурах и вооруженные абы как: сулицами, дубинами, кистенями, кривыми мечами, топорами. И монтане – в звериных шкурах, со щитами с узорами из черепов и скелетов да заклинаниями на деревянных табличках, повешенных на груди и шее, – те должны были защищать их лучше кованого железа.

Сзади клубилась пешая челядь и королевская пехота. Они формировали три больших круга, оцетинившихся копьями и взблескивающих топорами. Скандинские наемные дружины в бронированных панцирях и шлемах с полумасками, защищающими глаза. Когда они подняли щиты, образуя стену, можно было подумать, что на серо-коричневом поле расцвело море цветов.

Лазарь остановил Турмана и услышал стук подков о камень. Когда глянул вниз, увидел, что конь стоит на едва видной из-под сбитой травы скальной плите.

Покрытый землей, обомшелый символ на ней напоминал распластанную бабочку. Знак Пути Неба. Того, что, выходя из Круга Гор, пересекал Бескрайнюю Степь, ведя на восток, к жестоким странам, откуда века назад Есса вывел ведов. От этого пути остались лишь камни с надписями, которых не понимал никто, и все – неподалеку от Лендии, поскольку в степи они исчезали в пространстве и травах, дальше на востоке засыпанные песками пустынь.

– Светлейший государь! – крикнул задыхающийся гонец.

Король поднял голову. Далеко, на конце широкой равнины, перечеркнутой обильно разлившейся лентой быстрой реки... За пустошью с темно-коричневыми пятнами кустов, из-за которых это место получило свое название Рябое поле, роилась масса – муравейник фигур, сливающихся в неисчислимую толпу, поток, в...

– Орда! – сказал кто-то. – Хунгуры.

* * *

Они не заставили себя ждать. Шли как степной вихрь – огромное, размытое пятно черноты, серости и чего-то бурого, поглощающее покрытую первой весенней травой степь. От него то и дело отсоединялись ватаги и группы – словно облака, то выдвигаясь вперед, то смешиваясь с основной массой. Все видели вздымающиеся над ними знаки: жерди и копья с привязанными огромными пучками волос и странными маленькими шариками. А также величественно реющий стяг с косым крестом – будто разрезанный ножом, скривленный в злой ухмылке рот.

Милош смотрел на замаскированного Баатура, стоявшего позади него с вынутым мечом. Спрятанного за забралом шлема, его было не узнать. У седла хунгура колыхался привязанный к луке кожаный мешок, набитый чем-то округлым.

Орда приближалась. По спинам, покрытым панцирями и доспехами, прошла дрожь; руки сжимали копья, мечи и топоры. Но Милош не чувствовал страха. Еще вчера он знал, что случится.

В ожидании битвы Чамбор закусил губу. Неподвижный как статуя, он сжимал в правой руке копье, а в левой свободно держал поводья. И чувствовал себя подобно статуе: безвольным, частью механизма, что вынес его сюда, на Рябое поле. Он был в земской хоругви Скальницы, пешкой на поле славы, но чем сильнее сжимал копье, подымая его все выше, тем меньше было уверенности. Это не турнир, не посвящение и не первые шпоры; это испытание, окончательное и неумолимое. Всматриваясь в приближающуюся орду, он ждал сигнала к атаке. Мига, что станет длиннее прочих, когда ударившие друг в друга отряды конных распадутся на отдельные схватки; когда с ужасной неминуемостью он увидит напротив себя того единственного, с которым придется скрестить оружие!

Орда пришла как волна, разделяясь на отряды, собравшиеся под древками, украшенными хвостами. По линии конных голов, шлемов, шишаков и касок, над руками, стискивающими древки и рукояти, пронесся крик.

– Готовьсь! – закричали во всю глотку войсковые и жупаны. Железные булавы и буздыганы поднялись, подавая знак начать атаку.

Но не опустились! Потому что разогнавшиеся фигуры, оторвавшиеся от серо-коричневой массы вдруг притормозили, заколебались и... остановились.

Не было столкновения, не было атаки.

– Что происходит?! – крикнул Ольдрих. – Нас не атакуют, господин? Испугались?

– Пошлют нам приветствие. С ветром, тучей, воздухом, – проговорил мертвым голосом Домарат Властович. – Смотрите, благородные.

Туча стрел взлетела от шеренг орды. Понеслась, как черные птицы, хищная и злая, знаменуя свистом смерть и ужас. Они сжались, заслонились щитами и руками, склонили головы.

Стрелы со стуком и треском столкнулись с линией одоспешенных: со шлемами, конскими головами и копьями. Пали на войска, главным образом на полк Старшей Лендии, с воем, проклятым хохотом и смехом. Упали и... отразились, разлетелись на щитах и железе доспехов; увязли в стеганках, панцирях, кожах. Только иной раз стонал человек, кое-где свалился рыцарь, оруженосец; какой-то

конь встал дыбом, другой присел на зад, раненый.

– Стоя-а-ать! – кричал Домарат. – Они хотят нас выманить! Вытянуть в поле, чтобы мы ослабили строй.

– Кто двинется, тому смерть! – хрипел Лазарь. – Трубить, стоять! Стоять! На месте!

Над шеренгами рыцарей поднялся крик, рык триумфа; клинки и копья поднялись; раздался звон мечей, ударяющих в щиты в ровном жестком ритме.

А Милош Дружич вытянул руку, когда его раненый конь наклонил голову, схватил и дернул за стрелу, торчащую из шеи животного. Вырвал ту без усилия, поднял к глазам. Та была едва заострена, толстая и пустая внутри как тростник, с зарубкой вроде свистка.

– Дурни, – выдохнул. – Это просто для испуга.

Орда закипела, зароилась, взволновалась. И вдруг от нее оторвалась вторая туча, темнеющая на глазах, волной падая на панцирные шеренги лендичей. На этот раз не было стонов. И они не слышали свиста. В них ударили шум, посвист, шипение длинных стрел. Падали они как град, втыкались в конские груди, морды, шеи; в щиты и броню, в тела, прикрытые шкурами. В середине линии воцарились зямь, ржание, визг. Кони падали на передние ноги, валились назад, становились дыбом, давя всадников, дергали головами; некоторые убегали, лягаясь и тряся задами, утыканными кровавыми древками стрел.

Рыцари валились с седел. Падали, ударяясь окровавленными лбами в конские шеи, на руки оруженосцам, пахолкам, которых призывали со стонами и страхом.

Милош отодвинул щит от лица. Оглянулся. Баатур стоял. Единственная его надежда, последняя защита. Ключ к будущему. Хорошо...

Буря стихла, но не миновала. Вот-вот близилась следующая. Со свистом вихря, с бряканьем тетивы и шумом перьев. Крылатая смерть била в ряды и валила лучших. Без поединка, без боя, без милосердия, без страха.

Встал крик, вопли, стоны и ржание коней.

- Не устоим! - орал кто-то. - Вперед, вперед, братья! Выбьют нас словно уток!

- Не хочу гибнуть!

Снова - свист, поражающий и страшный. Стрела смела с седла соседа справа от Милоша. Спутанные, бьющие копытами кони, рвущие поводья и дергающие мундштуками. И вдруг громкие, резкие голоса командиров.

- Стоять! Стро-о-ойся! Жда-а-ать!

Чамбор уже не мог: стук сердца сотрясал его тело, перехватывал горло. Стрелы свистели и втыкались в щиты; каждая их волна норовила сбросить в бездну. Освободиться бы от этого чувства как можно быстрее!

Рыцари не послушались. Сперва отдельные всадники, потом целые группы стали выламываться из волнующихся рядов. И вдруг с громовым рыком, в грохоте копыт снялись с места хоругви Старой Гнездицы, Пильчи, Стрелы и Турнии. За ними, не сдержавшись, родовые - Старжей и Якс. Наконец, с рыком и криком: «Бей-убивай! Топором! Рви! Коли!» - пошел в атаку весь полк Старшей Лендии.

Чамбор мчался в первых рядах, дав шпоры коню. Сперва они шли строем. Но когда пролетели два стадия, линия рыцарей начала ломаться. Самые смелые подгоняли коней шпорами, рвались вперед, чтобы поскорее выйти из-под обстрела и воткнуть клинок в подрагивающее тело орды.

Ударили в пустоту! Едва обрисовались впереди волнующиеся ряды хунгуров, как на их месте встала пыль. Наконечники копий пробили ее клубы и... вместо груди целились теперь в склоненные спины убегающих, в тугие зады их лошадок!

По неровным рядам пролетел крик. Лендичи бросились в погоню, словно железная лавина, что, сходя с гор, разбивается на отдельные валуны и потоки.

И тогда сбоку справа замаячила лава всадников. Она двигалась ровно, неумолимо и уверенно.

Ударила во фланг и в тыл мчащихся рыцарей!

Поднялся крик и ор, когда пал стяг Старжей с топором на кровавом поле. Строй, люди и кони смешались. Ломались с треском копья, ударяя в своих и падая на землю. Погоня тормозила; лендичи поворачивали вправо, к растянутым линиям врага.

И тогда раздался знакомый свист. Это волна стрел ударила в них сбоку и спереди. Убегающие вдруг стали преследователями, быстро и легко разворачиваясь в сторону лендичей.

Лазарь видел со своего места, как орда хунгуров захлестывает рваный, покрытый пылью, истыканный стрелами полк Старшей Лендии. Прикрыл глаза, откинулся в седле.

- Худо с нами, - сказал слабо. - Господин Ольдрих!

- Да, слушаю, ваша милость!

- Прикажи дуть в трубы для королевского полка. Ударяй смело, а не то их повыбьют. Бей сбоку, отгони орду с левого фланга! Я встану сзади, приду с подмогой, если станет нужно!

- Слушаюсь, господин!

Загремели трубы, поднялись буздыганы и мечи командиров. А когда опустились, огромный головной королевский полк медленно двинулся с места, а потом все быстрее пошел вперед, набирая разгон. Шел с подмогой разорвать кольцо, которое все теснее опоясывало разбитые хоругви Старшей Лендии.

- Вперед! Дальше! Дальше! - гремело.

Хоругви двигались рысью, перешли на галоп, ускоряясь и растягиваясь. Флажки реяли, подковы стучали все громче.

На этот раз они не ударили в пустоту - копья столкнулись с обтянутыми шкурами щитами и ломались в телах врагов, крепких да малых волосатых

коньках.

Чамбор сражался уже какое-то время. Бросил копье, поскольку враг был близко, ужасно близко; нет места для разгона. На расстоянии руки хунгуры двигались словно бесы. Широкие, смердящие странной смесью кожи и лошадей, волосатые, будто лесные вампиры. В колпаках, огромных шапках и кожаных шлемах с клапанами, украшенными рогами. Лесные рыси, нелюди, пришельцы из бездн. Дикие, пустые, перекошенные лица безо всякого выражения. Черные глаза, движения как молнии, быстрые рывки руками. Словно монстры, сросшиеся с лошадьми.

Вокруг лендичей кипело. Мечи, топорики и кривые клинки мелькали, звякая и ударяя в шеломы и щиты. Не было как на турнире или во время тренировок. Чамбор получил в шлем раз, второй, третий, едва успев заслониться щитом. Рубанул справа, потом слева, отбросив в сторону окровавленный клинок. Враг был в его руках; он знал, что перерубит того до седла, но меч увяз в чем-то, потерял силу. Рыцарь знака Ливы пытался его вырвать, но получил в шишак снова; так сильно, что искры из глаз посыпались, несмотря на чепец. Лихая сила вырвала меч из руки, оставив Чамбора сперва изумленным, а потом испуганным. Он почувствовал лед в сердце. И мысль, выбившую его из уверенности в себе: что война – изменчивая владычица и все в ней зависит от умений и случая. И что ты тут либо герой, либо трус.

– Меч! – рыкнул он. – Дайте меч!

Никто не помог ему, оружие осталось между трупами, он мог лишь в отчаянии закрываться щербатым щитом. Но его товарищи шли вперед, рубя, коля, напирая на диких коней хунгуров, которые пинались, кусались и бились в тесноте. Шли на подмогу, прорубая дорогу туда, где под хоругвями Старшей Гнездицы сражались конно и в пешем строю сбитые в кучу, отрезанные и окруженные с трех сторон рыцари.

Но Милоша Дружича и его оруженосца среди них не было.

* * *

Как выглядит враг мира? Каган хунгуров, палач дреговичей, владыка Бескрайней Степи, самовластный господин половины мира, который посягнул на честь короля лендичей? Чтоб его узреть, человек, ты должен пройти путь мучений. Он сидит на коне за тысячами воинов, огражденный от мира отрядами Дневной и Ночной Стражи, а когда б ты даже пробился сквозь их ряды, столкнулся бы с дворней, двумя дюжинами солаков – безвольных рабов, манкуртов, что не могут думать, поскольку их душу выжгло солнце. Они должны убить каждого, кто приблизится.

Перед владыкой орды всякий встает безоружным. Хорошо, что не нагим. Без меча, брони и щита, ошупанный – не пронес ли тайный клинок; без слуг, помощников и надежды. На коленях, ползая будто пес, что невыносимо для обычного лендича.

И все же Милош Дружич прошел этой тропой.

Толкаемый, обзываемый, иной раз пинаемый и постоянно оплевываемый, он полз, порой припадая на колени и кланяясь до земли, вслед Баатуру, который шел выпрямившись. Тяжел был его путь. Меж копытами низких лошадок, которые вблизи оказывались крепенькими, со сплетениями мышц. Меж стражей с топорами в виде полумесяцев, в чешуйчатых панцирях или в доспехах из кусочков кожи, сплетенных ремнями. Под неподвижным взглядом двух созданий, напоминавших людей, с белыми лицами и остроконечными головами, прикрытыми меховыми малахаями, что делало их похожими на пещерных медведей и степных волков. Пинаемый и толкаемый ногами в кожаных сапогах на плоской подошве. Унижаемый словом, хлестаемый мастерски сплетенными нагайками.

Он не понимал слов, которые произносил Баатур. Низких, хриплых, словно вылетаемых из перерезанного горла. Не обращал на них внимания, был выжжен и пуст. Случилось, возврата нет. Да и куда? Воспоминание о доме, Дружице вызывало корчи. Не было уже памяти, прошлого, он был как мара, имел одну только цель...

И тогда на дороге его встал некто, на хунгура не похожий. Бледное лицо, глядящее из-под шишака, чьи отвороты падали на плечи. Длинная одежда без пуговиц, удерживаемая кожаным поясом, и нагайка, свешивающаяся с руки. А еще голос. Понятный, хотя и тарахтящий. Лендийский.

– Чего вы хотите, земляные черви, от кагана каганов, победителя королей, зенитного неба и солнца степи, чьи сабля и стрела выпускают кровь из соплеменников, чья удача никогда не перестает сиять звездами мощи и красоты? Говорите же, прежде чем он вас раздавит.

– Мы кладем у ног кагана наши колчаны, бьем ему челом у порога юрты. Мы невольники его порога, отдаем ему дань и коней. Да лишит он нас имени и жен. Да бросит он нас в ничейных землях.

– Говори, с чем ты пришел, Баатур. Мне рассказывали о тебе.

– Я привел лендийскую сволочь, мерзкого будто говно, покорного будто пес, что хочет принять милость и власть великого кагана. Он пришел скулить у его ног, пришел покориться; не только сам, но и от имени прочих воителей Старшей Лендии, которых ослепила святость Горана Уст Дуума. Спешим принести ему честь, ибо только тогда они перейдут на нашу сторону.

Милош ждал, согбенный, грязный, окровавленный и трясущийся. Был отстранен, словно все это его не касалось. Даже не прикрыл бледных глаз.

– И каково доказательство правдивости твоих слов?

– Вот знаки покорности Милоша Дружича, – Баатур поднял кожаный мешок, тот самый, который утром приторочил к седлу. Развязал, дернул, перевернул, встряхнул и...

Три головы покатались под ноги хунгуру. Бледные, израненные, в порезах и с темными пятнами крови.

– Гевальт, Хана, Сенко, – прохрипел, будто из-под земли, Милош. – Мой оруженосец и слуги. Я убил их, чтобы показать... серьезность моих намерений.

– Отрубил им головы у меня на глазах, – проговорил Баатур. – О чем я свидетельствую и что подтверждаю. А теперь приносим их в жертву кагану. Пусти нас к нему, и мы выиграем эту битву. И вместе заслужим милость Матери-Земли.

Хунгур молча отступил, открыл путь. Нет! Он только ухмыльнулся под тонким, смазанным жиром усом.

– Если он достоин встать перед каганом, пусть пройдет испытание. Пусть Мать-Земля покажет, что в нем нет измены. Тоолуууй! – крикнул он и махнул руками. Сунул в рот свисток и засвистел, показывая на коленопреклоненного Милоша.

Рыцарь затрясся. Вскинул голову, бросая дикий взгляд влево-вправо. Услышал топот, что казался громче шума битвы. Быстрый, неожиданный, близящийся.

И завыл – только это и успел сделать.

А еще – прикрыть левой рукой голову и скорчиться, потому что на молитву не хватило времени.

Остатками сил он ухватился правой рукой за реликвию, висящую на шее, сжал ее.

Слева вырвался табун воинов. На крепких малых коньках с густыми гривами, что падали на шеи будто мех. Толпа людей в колпаках и шишаках, с луками и кривыми мечами на боку, в изукрашенных панцирях, блестящих от золота, переплетенных ремнями. Шли они коротким галопом, покачиваясь в седлах, веселясь. Щелок! Ударили нагайками, разгоняясь.

В один момент они ринулись на Милоша, взяли его под копыта, пролетели над ним, едва успевая его перепрыгнуть, пролететь над избитым, презираемым телом рыцаря!

Пронеслись будто духи, исчезли меж оружного люда. И даже Баатур взглянул, потрясенный, сперва на хунгура, потом на лендича.

Милош даже не вскрикнул. Весь в грязи, стоптанный, он кусал губы, но не стонал. Лежал, почти нетронутый и, кажется, не сломанный: возможно, познакомился лишь с копытом-другим, что было лаской, как для хунгурского приветствия.

Устроитель этого испытания подошел к нему, будто удивленный.

– Пойдем, тля. Ты прошел испытание. Каган примет твою мольбу.

Милош встал: мрачный, с лицом, лишенным выражения. Шел за хунгуром; на этот раз Баатур был позади. Милош предался в сильные, грубые руки стражников с лицами, заслоненными кожаными масками. Только сжал в руке тяжелую реликвию, словно рукоять меча, и шагал, чуть пошатываясь, вперед и вперед.

Ряды расступались пред ним, когда он входил на пригорок в самом центре орды, под жестокую хоругвь с косым крестом, напоминавшим страшную ухмылку призрака. Шел...

Под свет, под солнце, к огромной фигуре, мрачной как сама ночь, сидящей на мощном коне. Фигура – словно бес, в огромной меховой шапке, украшенной рогами, в золотистом доспехе из пластин, каждая из которых с заклинанием, отгоняющим духов. Длинные черные волосы, выбившиеся из-под мехов. И темное волчье лицо. Пустые глаза без белков.

Горан Уст Дуум, каган мрачного востока. Высящийся тут словно бес, словно тень. Памятник силе, которую не сломишь, потому что она затопит тебя как море, и раздавит – или унесет с собой, пусть бы у тебя была тысяча мечей, клинков и копий.

Хунгур, который привел лендича, пал на колени, бил челом, выкрикивал что-то, орал, пояснял: говорил прямо вождю, но униженно.

Милош не слушал его. Ведомый странным чувством, смотрел на древко огромного стяга кагана, украшенное – нет, вовсе не бунчуками или конским волосом... это были головы. Человеческие, полузвериные – с раскосыми дикими глазами, мощными дугами на месте бровей, огромными носами и выпуклыми губами, словно грубо вытесанными из камня. Головы черные и белые, серебристые и смуглые, кривящиеся в гримасах боли. Порубленные, покрытые ранами, почти раздавленные. Некоторые и вовсе нечеловеческие: с пастями, мордами, они будто принадлежали полузверям, которые капризом Чернобога встали с четверенек, чтобы притворяться людьми. Это были останки врагов кагана. Тех, кого он убил во время марша по Бескрайней Степи, в восточных странах, диких и мерзейших, откуда всегда приходило лишь зло.

Хунгур ударил Милоша по плечу так, что стало больно. Рыцарь видел только его губы, роняющие тяжелые слова:

– Владыка всех орд, великий каган примет твой поклон, лендийский пес. На колени, бей челом! Пусть твои люди станут рабами золотого порога, а если удалятся от него, то отруби им пятки. Пусть станут слугами у его юрты. А если отойдут от двери, вырежи им печень и выбрось ее. Если не станут слушать, растопчи их сердца и брось прочь!

Много месяцев Милош думал, молился и представлял, каким будет этот миг. Боялся боли и страданий; боялся собственной слабости, бессилия и сомнений.

Ничего такого не почувствовал. Все было так, будто он смотрел на происходящее со стороны. Словно он уже не находился в теле, а пребывал на прекрасных лугах у сбора Праотца.

Вот он падает на колени, склоняет голову...

И одновременно хватается за реликвию на груди, сжимает ее в руках, срывает с ремешка. Хватает, словно рукоять меча!

И летит, летит, воспаряет длинным прыжком с земли. Прямо на мрачного владыку.

Каган не смотрит на него. Слышен крик, запоздавший ор. Шум летящих стрел, бряканье закованных в железо стражей.

Но Милош летит быстрее, парит как птица, как орел...

Когда невидимый клинок разгорается бледной синевой, Горан Уст Дуум приходит в себя. Осматривается медленно, с презрением надувая губы; смотрит на червя, который посмел нарушить его покой. Теперь его глаза не черны. Милош видит круглые, расширяющиеся словно в бездну зеницы. Видит их движение, сперва медленное, потом ускоряющееся. Наконец лицо обращается в сторону врага. Каган открывает рот.

Наконец Милош видит страх. Ужас победителя степных народов, уничтожителя веры, неодолимого, крепкого и непобедимого.

И тогда убеждается, что каган – не бог, а его тело – столь же смертно, как и людское. Потому что невидимый меч втыкается в доспех, прокалывает пластины, рвет драгоценные сплетения кольчужных колец, входит глубже и глубже, до самого дна, до истины, что даже хунгур всех хунгуров может быть красен от крови.

А потом Милош снова стоит неподвижно среди кипени и ора, что взрывается вокруг. Сгибается, боясь боли, но не чувствует ее. В один миг, внезапно, в него втыкается столько клинков и стрел, что мир колышется и уплывает.

Наконец покой. После всех лет. На миг к нему вернулся образ Венеды и короткое сожаление, что все так закончилось...

* * *

– Они уступают! – кричал Брунорф, сварнийский оруженосец Лазаря. Одетый в стеганку и железные налокотники, он привставал в седле большого мощного жеребца, глядя над головами рыцарей и сражающихся. – Поддаются, господин, сбором Праотца клянусь!

– Хорошо! – выдавил Лазарь, бледный и напряженный, до боли сжимая левую руку на передней луке седла. – Трубите сигнал! Полк левой руки, Дреговия и Подгорица, в атаку. Монтане – в резерве! Ударим им во фланг, пробьемся на тылы и загоним диких хунгурских псов между холмами!

– Светлейший государь! – крикнул Домарат. – Это может быть ловушка! Позволь мне проверить!

– Не будет другого случая. Я сам поведу рыцарство в атаку.

– Решительно возражаю.

– Каркаешь будто ворон! Может, ты и хорош в схватках, бугуртах, поединках, но отваги тебе не хватает! Останешься здесь. И будешь ждать.

– Ты унижаешь меня, владыка! – выцедил Домарат. – Но я приму твои слова с покорностью.

– Позаботься о короне! – Лазарь потянулся к голове, снял золотой обруч, украшенный листьями дуба, и подал его рыцарю. – Береги ее как собственную голову и честь, а я... Где мой шлем?

Рыцарь побледнел, будто тяжесть золотого обруча, украшенного дубовыми листьями, оказалась слишком большой. Он принял Корону Ведов как сокровище, прижал к груди.

А Лазарь уже надевал шлем, увенчанный Знаком Копья. Вытянул руку и махнул трубачам.

Взревела музыка. Загудели барабаны.

– Готовься! Готовься!

Звон и вспышки пролетели вдоль всей линии левого полка Младшей Лендии. Рыцари поднимали копья, глубже усаживались в седлах. Ровняли шеренги.

Двинулись линиями, хоругвь с хоругвью. Сперва шагом, потом галопом...

– Вперед! – кричал Лазарь, идя в бой на Турмане, в первом строю королевской хоругви. – Вперед! Вперед! Смерть и слава!

Полк шевельнулся и сдвинулся, следом за ними – полк Дреговии, пестро-серый, с блеском опущенных забрал, что придавали лицам витязей жестокий вид и зловещую усмешку.

Они шли в бой.

* * *

Чамбор выл, орал, заслонялся щитом, потому как на него отовсюду падали удары, словно цепи на обмолоте: быстрые, молниеносные, едва заметные. Оружия у него не было, не имел, чем вернуть честь за почести! Продолговатый баклер щербился, расщеплялся, и юноша почти чувствовал, как при каждом вражьем ударе щит подрагивает в его руках. «Конец, конец!» – некие мысли и образы пролетали у него перед глазами. Не хотел так вот гибнуть, словно пес, разрубленный бесами.

И вдруг, будто во сне, кто-то прижался к его боку. Чамбор увидел протянутую рукоять короткого старого меча с закругленным навершием. Ухватился за нее, как тонущий за последнее спасение, и увидел окровавленное лицо Ворштила из Ковесов.

– Суки и ухваты! Бей их! Бей псовых детей! – рычал тот. – Не останавливайся!

– Господин Ворштил, до конца жизни...

– Бей, не болтай! – рыцарь развернулся в седле, отбивая яростную атаку хунгура, одетого не в кожи или панцирь, но в испятнанную кровью и пылью рубаху, словно насмехаясь над ударами, несущими смерть. Был он один, белый, без охраны, меж коричнево-серых воинов. Нет времени задумываться, отчего так.

* * *

Тоорул, сын Горана, примчался верхом, задыхаясь, в крови; конь – в пене. Принимал участие в битве, причем долго: его красный хулан, на котором он носил панцирь из золоченых пластин, нес три следа от удара лендийскими мечами. У коня текла кровь с шеи, но он не дергался, не мотал головой, как бывает с животными, – терпел тихо.

Тоорул с трудом соскочил из седла, приблизился к большому стягу, согнулся, поскольку хотел, согласно с обычаем, пасть на колени перед великим отцом-каганом.

И тогда понял, что некому бить поклоны. Горан почивал, окруженный гвардией, как черно-золотой истукан, статуя Матери-Земли. Кровь уже впиталась в кожи,

черпаки и плащи, пятнала рогатое седло под головой.

А неподалеку лежало окровавленное и еще подрагивающее, покрытое смертельными ранами тело Милоша Дружича. Когда Тоорул подходил, один из гвардейцев перевернул тело пинком на бок, открыв бледное лицо и бороду, слеplенную кровью.

Заместитель кагана припал к Тоорулу. Нагайка жалко свисала с его руки, когда он ударил челом.

– Великий, величайший тайджи Тоорул! О господин! Несчастье! Наш каган, трижды непобедимый Горан, пивший из черепов врагов, сильный, как степной волк... Владыка зверей, людей, лошадей и всех народов, от Лендии и Дреговии до Китмандских гор. Суверен Красной и Черной Тайги, угорцев, чейенов, саков...

Тоорул молча выпрямился, не обращая внимания на слова Горда. Развернулся и, широко ступая, подошел к своей свите. Миновал коня и приблизился к одному из двух гвардейцев в часто простеганных кафтанах и островерхих шишаках. Воин держал перед собой, на передней луке седла, что-то маленькое, завернутое в гладкий шелк словно в мешок. Но в ткани были дырки и щели, будто бы для дыхания.

Тоорул склонился над ним – произнес пару слов, которые, даже если и услышало постороннее ухо, никто бы не повторил. У гвардейца был вырван язык, о чем знали все в окружении молодого наследника.

Хунгур кивнул, Тоорул вернулся к заместителю кагана, склонился над ним, ухватил за отвороты кафтана под шеей, встряхнул.

– Югурта Горд! – произнес. – Ты должен был оставаться опорой и орудием воли кагана. Как хороший конь или добрый пес. Ты потерял свои умения, утратил лицо, потому что допустил к моему отцу предателя и бешеного волка. А потому ты бесполезен, как сломанный меч, как расплетшаяся нагайка. И за ошибки твои тебя живьем посадят на деревянное место, а позже отсекут мошонку и вырвут язык.

Горд не стал молить о пощаде. Лишь трясся, точно слова до него не доходили.

– Забрать его! – Тоорул кивнул гвардейцам. И тогда Югурта буквально вырвался у него из рук, две слезы скатились по его покрытым пылью щекам.

– О великий, ты сделаешь, что пожелаешь, я... верно служил, я не... это предал Баатур, а лендич прошел испытание.

– Знаю, знаю, мой сладкий, милый, вежливый слуга, – сказал Тоорул и вдруг положил руку на голову Горда. Гладил его как послушную кобылку, как малое дитя, как жену. – Знаю, что ты хотел как лучше. И за это я тебя отблагодарю.

– Прости меня, о великий, трижды величайший... каган.

– Нет. Не прощу. Но остановлю пока наказание, если окажешься послушным и сделаешь для меня сейчас одну вещь.

– О-о-о господин, да-а! Сделаю все.

– Ты сбережешь положение, достоинство, члены и голову. Но ты должен спасти орду. Иначе ее разнесут мечи лендичей.

– Я сделаю все.

Тоорул вздернул голову Горда вверх и заглянул ему в глаза.

– Возьми двух моих молчаливых гвардейцев. И еще двух манкуртов, которые тебя слушаются. Езжай сперва к моему брату Альбеку, а потом к Тингизу. Вызови их, говоря, что Горан хочет увидеться. Но не говори им, что случилось.

– О-о-о да, господин!

– По дороге убей их без пролития крови. А тела привези, накрыв попоной. Понял? Их смерть за твое страдание.

Югурта покивал.

– Если ты меня предашь, знай, что братья не будут столь милостивы, как я. Обрекут тебя на муки, а отряды их – уйдут с поля битвы. Поэтому выбирай: я – или их смерть. Я и орда – или деревянный помост.

Горд не задумывался. Ударил челом так, что, казалось, выбил дыру в песке.

– О-о-о мой каган! Сияние солнца, благородная птица...

– Ступай. Нет времени!

Тоорул не смотрел на него, но пошел к телу отца, присел. Прикоснулся рукой к ране на его груди, поднял окровавленную ладонь, поставил себе кровавый знак на лбу.

А потом снял шишак, сорвал с головы мертвого кагана огромный колпак с рогами и... надел на свою. Поднялся, посмотрев на мертвое тело.

– Накройте его и держите рты на замке, – приказал гвардейцам из Дневной стражи. – Кто бы ни пришел, ничего не говорите. Снимите с кагана кафтан и отдайте мне, иначе орде придет конец! Матерь-Земля и Великое Небо дают мне наследие. Отныне я стану вашим каганом!

Поднялся крик, лязг оружия, огромный стяг выровнялся, забился на весеннем ветру.

– Джочи! – крикнул Тоорул посланнику. – Поддай мне коня! Бейте в набаты, пусть кабланы готовятся к бою. Я сам встану во главе их! Вперед, быстро!

По гвардии и слугам Горана прошла дрожь. Едва заметно затрепетали ладони, сжимающие бунчуки и древки; склонились головы, сжались рты, закусилась губы. Кабланы... Кабланы. Слово – как змеиное шипение – жуткое, жестокое, неведомое...

Свист и удары нагаек вырвали хунгуров из забытья. Гвардейцы Тоорула уже сошли с лошадей и теперь гнали слуг прочь, бегом; к последнему труду и делам во имя нового кагана.

* * *

Удар полка Младшей Лендии настиг орду, что слала стрелу за стрелой в левый фланг сражающихся посреди поля рыцарей. Увидев атакующую лаву бронированных всадников, роты, ошетинившиеся остриями копий и рогатин под склоненными вперед, трепещущими флагами, хунгуры огрызнулись нескладным залпом стрел. А потом начали разворачивать коньков и убегать, чтобы увеличить дистанцию с лендичами, получить пространство, а затем развернуться снова и послать врагам смертоносную тучу стрел.

Ничего не вышло! Рыцари Младшей Лендии летели на шренявитах – легчайших и быстрейших конях, скорых как птицы и при этом крепких словно кованое железо. Не дали разорвать дистанцию, не позволили отскочить. Ударили, будто железная лавина, в смешанные клубы орды.

Не все копыта достигли цели. Лишь немногие треснули, сметая с седел серо-бурые фигуры в шкурах и кожаных шлемах; тех, кто не успел развернуться. Некоторые с запозданием ударили в спины убегающих хунгуров. Те, что остались целы, рыцари бросали на землю: копыта слабо пригодились для атаки на убегающего противника.

– Дружица! Бзура! Межба-а-а! Буйно!

– Бей-убивай!

– Стоя-а-ать! – крикнул Лазарь, задержав коня в тылах полка, под королевским знаменем. – Трубить «стой».

Никто не слушал голоса труб. Рыцарские крики смешались с громом копыт и лязгом клинков. Лендичи наступали хунгурам на пятки, были как взявшая разгон панцирная лавина: ломающая строй, бесформенная, распадающаяся на меньшие фрагменты, по мере того как кони переходили в галоп, каждый – свой, отличный от других.

Вдруг орда, убегавшая как взлохотенная стая птиц, расступилась. По резкому свисту распалась на две половины – уходящие все дальше направо и налево.

Земские хоругви ворвались между ними и оказались в пустоте, летя по пестрой плоскости Рябого поля. По сторонам неудержимо росли рваные склоны холмов в конце долины – будто спины древних змиев, ощетинившиеся острыми гребнями скал...

Нарастающий топот! Пронзительный свист – страшный, убийственный, неожиданный! Это не был звук стрел, их перьев. Из яра, до того момента скрытого от взглядов рыцарей, им навстречу вылетела лава черных всадников, сидящих низко, склоненных в седлах. На головах их вместо шишаков и колпаков были островерхие капюшоны. По бокам их скакунов, у ремней, в ритме конского бега тарахтели привязанные кости и звериные продолговатые черепа. В руках же вместо оружия они держали набитые продолговатые мешки – странные, неясные шары, овальные, как зрелые арбузы...

Шли навстречу в полном галопе, хотя шеренги их были куда растянутей. Жутко посвистывая, они вырвались к сбившей строй группе рыцарства, подняли руки, вооруженные странными шарами и...

Когда от встречи с лендичами их отделяло всего тридцать или сорок шагов – бросили те шары во врагов.

– Убегайте! – поднялся вой. – Бегите!

– Уходите!

Град круглых снарядов пал на разогнавшихся всадников. Летели те снаряды будто безумные птахи: с воем и криками, что вонзались в уши, отбирали волю к бою и сопротивлению.

Это были головы! Серые, сморщенные, с темными и светлыми волосами, с косами и бритые. Но все – живые, воющие, кричащие, ударяющие воплями, будто нагайками!

Падая на людей, они не только кричали, но и кусались. Впивались в конские гривы и шеи, хватали за руки и поводья, облепляя оружный люд, словно большие круглые пиявки.

Лендичи остановили свой бег. Один, второй, третий – полетели с седел воины, покрытые пылью. Кони испуганно вставали на дыбы, били копытами, лягались; иной раз, дерганые за узду, падали назад, придавливая всадников, сея страх и панику.

Безумие ужаса овладело сбившимися рядами рыцарства. Никто не хотел сражаться, никто не был в силах противостоять этой жути, не мог вынести воя обезумевших останков, которые летели, как насекомые, впивались в лошадей и людей, словно черви.

Никто ранее не видывал ничего подобного.

– Езжай к Мирче! – прохрипел Лазарь оруженосцу. – Пусть ударит, поможет нам выйти целыми. Приказываю ему! Слышишь?!

Оруженосец кивнул, развернул легкого жеребчика почти на месте и – его уже и след простыл.

Лазарь достал меч, выпрямился на Турмане, который беспокойно вскидывал голову, крутился на месте.

– За мной! На подмогу!

Но помогать было нечем. На них вдруг словно повеяло грозой. Рыцари, оруженосцы, пахолки и стрельцы гнали густыми группами, топча все на своем пути. Что не свалили, то увлекали за собой.

Король почувствовал рывок, едва не свалился с седла, а конь под ним развернулся вместе с прочими бегущими.

– Место господину! Король! Король! – орали пахолки. Никто их не слушал. Но и бежать было некуда. Кони пошли медленнее, рыцарство отчаянно продиралось сквозь густеющий кордон врагов. Мечи звенели об окровавленные клинки, люди падали с лошадей, ревя, пробивались сквозь серо-коричневые волны воинов, чтобы закончить, упав на шпигованными стрелами, пробитыми, сброшенными с седел прямо на клинки.

– Господин, туда! – кричал второй оруженосец. Лазарь размахивал мечом, прекрасно понимая, что ничего не может сделать. Хунгуры были везде. Воздух прошивали стрелы, безошибочно находя щели в броне, втыкаясь в глаза, валя коней, сметая на землю оружных – так буря ломает тяжелые прогнившие дубы.

Он ощутил удар в спину – один, второй; потом Турман споткнулся и медленно, бесконечно медленно лег на землю, словно не желая навредить благородному всаднику.

Лазарь перекатился на бок; рядом с собой видел только хаос, море нечеловеческих круглых морд, остроконечных голов и колпаков, вздетых рук и клинков. Получал раз за разом, сам погрузил клинок меча в тело, защищенное кожаным панцирем, но вырвать меч не сумел. Его вдруг прижали, обездвижили, рванули вверх. Потом все происходило в ускоренном темпе, словно время понеслось как напуганный конь.

Последнее, что он видел, было поле битвы и далеко, за пылью сражения, неподвижно стоящие темные ряды воинов под синим стягом с черным вепрем, сжимающим в пасти кровавое сердце. Монтания... Мирча не сдвинулся с места, не помог ему, не атаковал. Предал!

Времени на раздумья не было. Его тянули, волокли, иногда проносили над трупами – крепкие, ловкие воины с нечеловеческими лицами, в одеждах без пуговиц, шапках и колпаках из серых стеганых шкур, в высоких сапогах с широкой подошвой и задранными носами.

Вдруг впереди открылся холм – мрачный, увенчанный огромным серо-фиолетовым стягом с жестоким крестом, сложенным из двух соприкасающихся полумесяцев.

Ниже стояли шеренги конных и пеших, чужих воинов и достойных мужей, что было понятно по их дорогим одеждам, золотой окантовке оружия, украшениям, бунчукам и кисточкам на копьях.

А посреди всего этого Лазаря приветствовал огромный муж в золоченом панцире с резными пластинами; из-под него выступали края одежд, красных будто кровь. На голове у человека был шишак с опадающим на лицо забралом, что плотно прикрывало его – так, что виднелись лишь два пятна вместо глаз. Рядом с ним

стоял хунгур с голой, бритой, остроконечной головой, очень бледный – почти белый и с нагайкой в руке.

Перед ним стояли на коленях полдюжины лендийских воинов. Рыцари, жупаны, кастеляны. Королевский войсковой Ольдрих, раненный в бок и левую руку, что бессильно висела. Вскочил, увидев короля, но, оттолкнутый хунгурским гвардейцем, опять упал на колени.

Мужчина в желтом доспехе показал Лазарю нечто темное, большое, то, что лежало на мертвецких носилках, на шкурах и шапках, обрызганное кровью. Хунгур – уже труп, но огромный, будто великан, мрачный, мощный, враждебный.

И мертвый – с бледным, пожелтевшим лицом. С руками, гордо сложенными на груди, хотя высокомерие, что правило им при жизни, улетучилось вместе с душой.

Лазарь глядел остолбенев, поскольку ничего не понимал. Ему помог вражеский вождь, говорил по-своему, но его бледный слуга все переводил.

– Се, Лазарь, ты видишь, – в голосе хунгура чувствовались не только печаль и сожаление, но и спокойствие, – моего отца на смертном одре, кагана всех орд, Горана Уст Дуума. Как ты смел покуситься на его голову? Как мог столь нагло посягнуть на честь великого мужа во время битвы?!

Лазарь молчал. Просто не находил слов. И тогда тихо заговорил Ольдрих.

– Мой господин и король. Отвечай кагану. Голова – не вербовый пень, второй раз не отрасли.

– Больше меня удивляет, – сказал король, – что твой отец, каган, посмел напасть на королевство Лендии.

– Вот, смотри! – рявкнул хунгур, ступил чуть ниже, указывая на нечто лежащее в траве, презрительно пиная это сапогом; и то, что он пнул, претерпевало такую судьбу, переворачиваемое с боку на бок, уже давно, с полудня, а может, и с самого утра.

Было это окровавленное, смятое будто тряпка, тело худощавого мужчины с седоватой бородой. Лазарь узнал лицо – Милош из Дружицы. Муж и рыцарь. Порой объект насмешек на пирах и герой рассказов, которыми веселил короля придворный шут в Старой Гнездице и которые громко вещал, будучи пьян, Ворштил.

– Прости мне, Милош, – беззвучно прошептал король.

Взглянул хунгуру прямо в лицо, в его мрачные глаза, где не мог найти ничего человеческого.

– Я не знал... Но скажу тебе, каган, что, подготовь это я... ты тоже лежал бы здесь, на втором одре.

– Кланяйся мне, Лазарь! Преклони колени на трупе слуги. Ты проиграл королевство, власть и армию. Где твои воины и рабы? Отдай мне честь, и я позволю тебе служить мне вместе с остатками твоего народа.

– Королевство Лендии – не от мира сего, потому что жизнь ему дал Есса, который вывел ведов из неволи. Король никогда не покорится врагу. А если это конец, пусть он станет моим началом, хунгур.

Лазарь почувствовал на своих плечах сильные руки степняков.

– В твоей столице я посажу наше Древо Жизни, – начал говорить каган. – И вырастет оно до неба, и пустит корни. И ничего нас отсюда не вытолкнет. Смотри!

Прежде чем его заставили преклонить колени на трупе Милоша, король повел взглядом за рукой кагана и увидел на холме нечто, чего не видывал никогда в жизни: многочисленные запряжки коней и волов, хунгуров, что бегали между ними с нагайками в руках. Канаты от упряжек бежали к огромным повозкам, на которых ехало небывалое, гордо раскидывающее по небу ветки гигантское серое дерево. Вырванное или скорее выкопанное с корнями из черной земли где-то далеко на востоке. И привезенное сюда через месяцы и годы, заботливо поливаемое и кормленное, чтобы пустило оно корни в чужом краю.

Прибитые к серой коре, на обрубках ветвей висели оружие и доспехи – виднелись останки людей в золоте и багрянце. Скорченные, высушенные солнцем и ветром. Приносимые в жертву божееству хунгуров веками и зонами.

Лазарь упал на колени и услышал свист. А потом, впервые за много дней, почувствовал облегчение.

– Господин! Господин! – застонал Ольдрих, бросаясь к голове короля, что скатилась на стоптанную траву. Хунгурские стражники шагнули к нему, но остановились, потому что войсковой лишь схватил и поднял голову Лазаря. Уселся с подогнутыми ногами, положив ее в подол, а потом прижал кровавящую и бледную к своей.

– Я поклялся Праотцу, – сказал печально, – что где будет голова Лазаря, там ляжет и моя.

Склонился, держа печальные останки в руках, вытянул шею, прикрыл глаза, а Тоорул подал знак:

– Служи кагану после смерти!

Свистнул кривой клинок, раздался стук, глухой удар, когда две головы встретились на окровавленной земле.

И вдруг с глухим стуком к ним присоединилась третья. Куда более окровавленная и порубленная. Голова Милоша.

– Вот они, господин, – сказал Горд, заместитель старого, а нынче нового кагана. – Головы сильнейших врагов твоих. Что сделать с ними?

– Принесите в жертву Древу, – проворчал каган. – Пусть оживит и выкормит их. Лазаря и его слугу – пусть оплетет животворными корнями.

– А этого? – Гвардеец поднял голову Милоша.

– Этого – нет. Его... посадите. Пусть цветет. Он еще нам пригодится.

* * *

Мало было милосердия на Рябом поле. Те, кто сбежал в самом начале, прежде, чем Лазарь попал в руки хунгуров, прежде, чем пало прекрасное и гордое знамя королевства, еще имели шанс. Рыцари, что пошли в бой последними, закончили тем, что их окружили, рубили, пробивали стрелами. Целые отряды пеших воинов шли между конскими задами и боками с рогатинами в руках. Выбивали лендичей из седел. Добивали лежащих либо ползающих между трупами раненых, сброшенных с коня, изо всех сил лупя палицами или железными молотами. Раз, раз, с размаху, двумя руками, так что брызгала кровь, а тело, покрытое панцирем, доспехом или стеганкой, переставало трепетать. Пока не разойдутся швы шишака, не разломится грубо кованное железо шлема, не разобьется напололам щит; пока не падет вознесенная рука с мечом или топором.

Битва затихала. Кто-то сдавался, улучив лишь момент или чуть больше. Поскольку то и дело раздавался гортанный хунгурский крик, блестела вознесенная сталь...

– Служи мне после смерти!

Удар, один-другой, порой гладко снимающий голову с плеч. Другим разом – разрубающий шею, плечо и режущий вслепую. Оглушительный вопль, стон умирающих, падающие тела и трупы на Рябом поле, покрытом пятнами крови.

Люди из королевской хоругви, затажные либо сражавшиеся среди земляков сварны, лузины и савры, по рыцарскому обычаю припадали на одно колено, втыкая мечи в землю. Этих щадили – хунгуры погнали их по полю, меж трупами, свистя над головами нагайками и подталкивая тех, кто едва волокся или не мог идти.

– Устуди, гараун!

– Устуди!

– Ук! Ук!

Их загнали на холм, под жесткое знамя, неподалеку от огромного дерева, которое тянули с дюжину связанных возов и которое возносило свои кривые, гнутые ветви к небу.

И тогда начали убивать, вырезать безоружных. Сперва хватали, выволакивали из толпы, бросали на колени у стоп владыки и его рабов.

– Служи кагану после смерти! – несло в равнодушные небеса. После каждого вскрика, каждого пожелания – удар, тихий свист, крик, хрип, конец жизни, край существования.

– Есса-а-а! Есса! Есса! – начали кричать умирающие. Дергались, пытались сбежать, словно измотанные целым днем боя ноги быстрее хунгурской стали и копыт.

Крик «Есса» вырывался как стон и поднимался к небесам, так что воины в кафтанах и островерхих шапках начали дрожать и опускать поднятые для удара кривые мечи. Некоторые хватались за амулеты из костей, висевшие у них на бедрах на ремешках. Но командиры принялись лупить людей батогами, гнать на кровавую работу.

И те начали ударять иначе: сбоку или снизу. Рубили пленников по горлам, чтоб те не произносили имя короля-духа. Умирающие давились молитвой, их уста заливала кровь.

А головы падали одна за другой. Но не лежали у стоп кагана. Молодые хунгуры сразу хватали те за бороды и подрезанные, подбритые на висках волосы. Бежали, сколько было сил, к дереву и складывали головы у корней, опрыскивая кору, серую, будто шкура древнего чудовища, кровью. А останки несчастных заволакивали на ветви.

* * *

Пока свершался последний акт для лендичей и их союзников, неподалеку, под большим знаменем хунгуров, проходила церемония предательства и подданства, унижения в другом стиле; испытывались гибкость шей и легкость коленей, готовых сгибаться по любому кивку нового господина.

Князь дреговичей Сван шел медленно, без оружия и шлема – на встречу с каганом. Грузный, но глядящий остро и печально из-под седой гривы и кустистых бровей.

Хотел идти бить челом, но дорогу ему загородила стена гвардейцев в золоченых доспехах из пластин, пришитых ремнями к толстым узорчатым кафтанам. Чуть искривленные наконечники копий, заточенные до бритвенной остроты, коснулись его шеи, уперлись в живот, загородили дорогу, целясь в глаза.

– Ты не подойдешь так к кагану, раб! – заворчал Горд. – Нынче лендийский пес посягнул на здоровье великого Горана Уст Дуума. Потому никто из вас не окажется к нему ближе, чем на длину копья гвардейцев.

Сван замер, бросил злой взгляд, но тотчас опустил голову, откашлялся.

– Как же... мне воздать почести кагану?

– Воздашь их без одежд, раб! Голым, как тебя родила Мать-Земля.

Сван хотел протестовать, но его соратник, беловолосый советник, потянул его за руку и зашептал что-то на ухо.

– Уберите ваши палки! – хмуро сказал князь. – Сделаю!

Гвардейцы по знаку убрали копья. Сван развел руки, вскинул голову, выпятил грудь.

Подбежали двое прислужников. Стянули с него шлем и чепец, расстегнули ремни круглого, будто зеркало, нагрудника.

Сван наклонился и вытянул руки, чтобы еще двое могли расшнуровать на боках, расстегнуть и снять ему через голову драгоценную кольчугу, украшенную под шеей светлыми пластинами.

– Давай! Давай! – фыркнул Горд. – Всё, раб!

Ему развязали ремешки стеганки. Сняли, открыв толстую, вышитую знаками и разноцветными орнаментами под шеей рубаху.

Сняли и ее, обнажив выпяченный, поросший черным волосом живот, мощные плечи и шрамы на теле.

– Дальше! Полностью! – кричал заместитель кагана.

Сван затрясся, но позволил снять с себя кожаные сапоги с застежками, развязать ноговицы. Заколебался, но лица хунгуров были суровы, кочевники подгоняли его криками, а Горд сурово кивал.

Наконец князь снял подштанники, открыв свету естество. И встал голый, с цепью, что свешивалась с бычьей шеи. Гордый, будто коряга, грубый, но хлестанный градом презрительных взглядов.

– Подойди, раб! Подойди, но – вот так!

Вдруг свистнула веревка, и аркан упал на голову князя. Сжалась и потянула его, поволокла, будто вола, голого, по окровавленной траве, прямо пред лицо кагана Тоорула, мрачного как зимняя ночь.

Сван шел; дорогу, которую Лазарь миновал с поднятой головой, он пробежал, ругаемый, подгоняемый копьями, оплевываемый. Шел, бежал, смешно колыхая большим животом, пока Горд, который подступил сбоку, не указал ему место. Тут!

Князь замер, пораженный, потому что здесь лежал безголовый труп, который он узнал по сюркотте и одеждам. Труп короля Лазаря.

– Давай, поклонись своему бывшему господину!

Сван грохнулся на колени на тело владыки Лендии, ударил челом раз, второй, третий. Но каган словно не заметил того.

– Великому, трижды благословенному, вседобрейшему и самодержавному кагану – бью челом! – выдохнул князь. – Светлости нашей, нам милой, защитнику и

владыке. К ногам приношу благодарственные молитвы Дреговии и жертвую землю и воду, потому как не желаем мы служить фальшивому королю лендичей, но преклоняем колени пред тобою и тебя призываем.

Тоорул махнул рукой советнику. А когда тот подбежал, выплюнул в подставленную ладонь плод, который был у него во рту.

Горд подошел к Свану, поднял за волосы его голову. И всунул остатки непережеванного в рот князя, сильно и грубо, другой рукой нажимая на челюсти, будто коню, что не хочет раскрывать пасть, чтобы принять удила.

– Ешь пищу кагана! – загремел Горд. – Пей его кумыс. Ступай по его земле... Служи ему за жизнь!

Словно из-под земли раздался грохот. Это заговорили барабаны.

Сван ел, медленно двигая челюстью и трясясь, словно дикий зверь в клетке. Пережевывал еду как собственное поражение.

– На! – Горд похлопал его по плечу. – Ступай к своим. Созови их и жди. Еще нынче проведешь нас с недобитками в Монтанию. К господарю. Пригодишься. Ты уже свой!

Мягкие весенние сумерки опускали завесы траура на все, что происходило вокруг.

– Горд! – крикнул Тоорул.

– Да, каган?

– Узнай все о человеке, который посягнул на жизнь моего отца. Откуда он и как его звали. И были ли у него дети, кровные, рабы, жены и наложницы. С кем он ходил, где спал, для кого открывал рот. Я хочу знать все, ты понял?

– Да, каган.

* * *

Они убегали всю ночь, пока не вставали, покрытые пеной, кони. Тогда они давали коням короткую передышку, вылезали из седел, распрямляя кости, ослабляли подпруги и пасли животных на слабой весенней травке. Ехали вшестером: Чамбор, Бор, Ворштил, оруженосец и двое пахолков.

- Как я не люблю убегать, - жаловался владыка Ковесов не оглядываясь. - Уже третий раз даю драпака, оставив на поле рыцарскую честь и спасая хер, голову и рассудок.

- А когда, - выдохнул Бор, - вы убегали в первый и второй раз? И от кого?

- От госпожи жены. Из стога и... из шалаша. В дни не лучше, чем теперь.

- И они могут быть еще хуже? - проворчал Чамбор.

- Что ты знаешь о жизни, парень!

- С вашего позволения, я препоясан...

- Отцовым ремнем по жопе. Меч потерял в битве, представьте себе, суки и ухваты!

- По коням! - крикнул Бор. - Подальше отсюда! Нет времени!

Они то и дело оглядывались на юг: не покажется ли на пути в Монтанию орда. Но там были лишь подобные им беглецы, порой скачущие на север, а иной раз - молящие о милости, о коне и о том, чтобы их взяли в седло. Ворштил отказывал. Грозил мечом, да и настроение у него было мерзкое: в любой момент могла пролиться кровь.

Чамбор уходил будто во сне. Еще утром он был препоясанным рыцарем, принимал участие в атаке, видел, как гибли люди, как пали, прошитые стрелами, двое пахолков, взятых из Дедичей на войну. И вдруг он стал беглецом; в то время как... должен бы стоять в битве, оставшись там, на Рябом поле. И он даже хотел, стоял с мечом Ворштила, пока... его не подхватила волна бегущих. Конь

понес вместе с остальными. По крайней мере, так он себя убеждал, поскольку, хочешь не хочешь, а ровно так же легко, как был героем, он стал трусом. Чувствовал себя девкой, что преждевременно утратила девство. Убежал... О Праотец. Как же это? Ведь он выигрывал на турнирах, и не было в Дедичах никого отважнее. Шел с копьем в лес на волка, с рогатиной – в пещеру на горного медведя. Выбивал рыцарей из седел как детей из коляски. А теперь? Убегал... Почему?

К утру их осталось пятеро. Конь оруженосца сдался, замедлился, не смог идти за ними; лег на бок и застонал, не желая вставать.

Они просто оставили оруженосца – безоружного, потому что ранее тот сломал меч в битве. Пожали по очереди руки; Чамбор даже не знал его имени, но отвязал от луки седла и отдал свой бурдюк с квасом. Уезжал рысью, последним, оглядываясь на несчастного, что одиноко стоял у своего коня, но не решился остаться с ним на верную смерть. Раз уже сломленный на поле битвы, Чамбор по-прежнему ощущал страх.

Но превозмог, взял себя в руки. Развернулся и подъехал к безоружному оруженосцу, вынул меч Ворштила, заткнутый за пояс, и подал с коня, рукоятью в сторону парня.

– Держи.

– Господин, вы... сами без него не сумеете сражаться.

– Куплю себе другой в Посаве, – прохрипел Чамбор. – Бери, чтобы умер, как подобает мужчине, если вдруг они до тебя достанут. Бывай.

Кони едва шли, а люди начали избавляться от частей доспехов. Сбрасывали шишаки, нагрудники, кольчуги за пять и больше гривен. Только мечи оставляли у седла.

Все время они встречали и обгоняли беглецов. Из уст в уста переходили рассказы, один невероятнее другого. Говорили, что спасся палатин Младшей Лендии и что он собирает рыцарство, чтобы дать отпор. Рассказывали, что король Лазарь погиб и хунгуры носили его голову на копье. Другие утверждали, что он сдался и заключил мир, оставаясь пленником кагана. Третьи добавляли,

что князь Дреговии принес унижительные клятвы на теле убитого властелина, а господа Подгорицы и Монтании сбежали. Что орда идет по их следу, оставляя за собой только небо и землю.

И самая страшная весть, от которой у Чамбора сжимались кулаки, – что ярость кочевников не знает границ, потому что Милош Дружич коварно убил их великого кагана. Юноша слушал это словно в бреду. Что пришло дяде в голову? Что его изменило? Почему... он решился на такое?

Хунгуры близко! Орда идет!

А потому они убегали – на север, прямо в рваный вал гор, который маячил при свете Княжича впереди, открывая отчетливую косую щербину в месте, где сквозь этот вал пробивалась Санна. Только бы подальше! За Южный Круг, за Нижние Врата, за горы. Передохнуть, собраться с силами, выжить.

Коней от вечнозеленых лугов по ту сторону жизни отделяло немного. За ночь скачки они исхудали, бока запали, а кости на задах выпирали из-под кожи. Подпруги оставили потертости, из которых сочились кровь и гной.

Наконец утром, когда взошло и пригрело солнце, они увидели перед собой контур Нижних Врат. Горы – мощные, скрытые в синеве рассвета, испещренные пятнами снега и зеленоватыми полосками высокогорных лугов и полонин, расступались, словно мрачные великаны. Выпускали меж своими массивами серебристую широкую ленту Санны, что переливалась и шумела в камнях. Вверху вставала четырехугольная каменная башня, накрытая стройной остроконечной крышей: главенствовала здесь. Будто ласточкины гнезда, ее облепляли галереи, поддоны, деревянные пристройки; бойницы глядели суровыми черными глазками из-под крытой гонтом крыши.

Ниже, справа, они увидели прилепившиеся к скалам Нижние Врата: огромные створки, вытесанные века назад из скальных плит горного базальта, с древних времен покрытые сетью трещин, выглаженные ветрами, но все еще сидящие на рычагах – петлях, – похожих на боевые башни. Детище столемов, охраняющее вход в Ведду, спаянное с небывалым искусством со скалами и горами, как и они, – твердое и неуничтожимое. И все же детище это пало под ударами ведийских мечей и топоров, было захвачено, долгие годы оставалось заброшенным, а потом отстроилось новыми хозяевами и теперь стояло,

управляемое водой.

Ворот было две пары – низом, пенясь, через пороги протискивалась Санна. Достаточно запереть первые врата, чтобы между ними и задними быстро накопилось целое озеро воды. Кто пожелал бы разбить базальтовые плиты, рисковал освободить стихию, что смела бы врага во мгновение ока. Потому-то Ворота запирались не ровно, а под углом, смыкались косо, обращенные в сторону течения Санны, складываясь с обеих сторон будто заостренный наконечник копья, чтобы вода заклинивала их собственной тяжестью. Чтобы отворить их, закрывали задние, а воду из искусственного озера спускали в боковой канал в горные пещеры, и тогда начинали обращать огромные коловороты, а те канатами толщиной с мужскую руку и цепями притягивали к себе обе створки.

Чамбор и его товарищи были уже близко, почти во главе разрозненных групп оружного люда, которые верхом и пешком тянулись к излому Санны. Рыцари вздохнули: врата отворены, разведены и позволяли речке спокойно течь.

– Повезло нам, суки и ухваты, – сказал Ворштил. – Получим пару дней... за горами.

– Вперед! Вперед! – проворчал Чамбор.

Шли они шагом, потому что другого хода из славных шренявитов не выдавили бы. Въезжали в долину, в каменистый излом широко разлившейся Санны. Они и сотни прочих несчастных. А может, и тысячи, потому что сзади видны были тянущиеся к излому новые и новые отряды беглецов. Перед самым склоном толпа стала гуще, ехали теперь медленнее, в сторону Врат тянулось все больше лендичей.

– Смотрите! – сказал вдруг молчавший дотолле Бор. – Что за...

Огромные и широкие створки Врат дрогнули. Медленно, почти незаметно начали сходиться, проворачиваясь на невидимых осях. Всё в ужасающей тишине, напряжении, молчании гор – а его не нарушало и тихое пение Санны или звон птиц под синим небом.

– Вперед! Вперед! – крикнул Ворштил. – Закрываются!

– Не видно наших на стенах, – сказал Чамбор, прикрывший глаза ладонью от солнца. – Нет там стражи!

Толпа беглецов кинулась к Вратам. Бежали и гнали, спотыкаясь на камнях, падая в реку. Люди достигли берега, взбили ногами и копытами золотистое течение Санны, бежали в брызгах воды, прямо к огромным плитам.

– Не запирайтесь от нас! Не-е-ет!

– Стойте! Что вы делаете?

Пахолки и оружный люд топтали друг друга, падали, кидали щиты и оружие, бросали едва живых коней. Только бы дальше, успеть на каменный порог, через который переливалась река.

Но Врата, движимые коловоротами, двигались медленно и неумолимо. Сходились, давя надежду, лишая облегчения. Чамбор видел, как две стены приближаются друг к другу и почти смыкаются, закрывая проход.

– Вперед! Пробьемся! – кричал Ворштил.

Бессмысленно. Каменные стены сомкнулись. И лишь когда это случилось, до ушей беглецов донесся гром, земля затряслась как от лавины. Высоко над Вратами заблестели пики и колпаки стражи.

– Монтаны на Вратах! Мирча предал!

– Предал! Песий сын! Сучий выблядок!

– Разбойник!

– Откройте!

Люди тщетно бежали к Вратам, били кулаками в пористые скальные плиты, кричали и размахивали руками, в отчаянии рубили камень мечами и топорами, подпирали скалу плечами в бессильном гневе, который превращался в ужас.

Некоторые тянули вверх драгоценные рыцарские пояса, золоченые шпоры, перстни и цепи, показывая, чем готовы оплатить проход.

- Впустую! - пробормотал Чамбор сам себе. - Поищем другой путь.

Вода по ту сторону Врат прибывала. Ударила над головами - сквозь щели в источенных каменных плитах, что смыкались неплотно. Потом - сквозь проемы в центральном шве, меж сомкнутыми плитами базальта. Лилась ручьями, будто горный водопад, по мере того как поднимался уровень Санны по ту сторону Врат.

И тогда раздался крик, подхваченный многими устами, рвущийся из охрипших глоток:

- Хунгуры! Хунгу-у-у-уры!

Орда шла с юга, вытекала волной из-за взгорий над Санной. Быстро, неудержимо, захлестывая одинокие фигуры беглецов. Льющаяся коричнево-серая смерть, над которой реяли кисточки бунчуков, украшенные свежими головами погибших на Рябом поле.

Толпа у Врат начала метаться, биться, но пути к бегству не осталось.

- Мечи в руки! - крикнул Ворштил. Чамбор мысленно выругался. У него ничего не было. Он стоял с голыми руками, потом взглянул вверх, на возносящиеся над ними, облитые водой плоскости Врат, на дикие морды монтанцев высоко наверху, что высывались из-за парапетов. Туда пути тоже нет. Его сердце лупило как молот, подкатывалось к горлу. Быстро! Все происходило слишком быстро.

Хунгуры ударили с марша. Ворвались галопом, с разгону, в поворот Санны. С писком, ором и шумом ударили в остатки войска с Рябого поля, снесли их, повалили, топча копытами. Рубили, кололи и секли, так дошли до самых Врат.

Чамбор стоял, ожидая, когда исполнится его судьба. Ему стало все равно.

«Я должен спасти сына Милоша, – мелькнуло у него в голове. – Я дал клятву, Праотец. Спаси меня! Все погибнет!»

Глухой гул вторил его мыслям. Вдруг на голову лендичей и хунгуров обрушился истинный потоп. По ту сторону Врат собралось целое озеро, его уровень поднялся до верхней грани плит, и вода перелилась на другую сторону огромным водопадом. Массивы воды ринулись на метавшихся ниже беглецов ледяным каскадом. Сбивали с ног хунгуров вместе с их жертвами, смешали сражающихся, защищающихся и нападающих, потопили и разнесли.

Жесток был гнев воды, словно через нее заговорила сама Лендия, потрясенная поражением.

А Чамбор, подхваченный яростным потоком, еще успел подумать, что это, вероятно, не конец, а лишь начало...

Глава 2

Старая песня

За два следующих дня в горах Чамбор поумнел как минимум троекратно. Жизнь бросила его под копыта, словно хунгурская орда. Он вышел из схватки сломленный и отчаявшийся, но живой. Что-то утратил, но больше получил.

От Врат просто сбежал – когда пришла волна, одинаково валящая с ног и своих, и врага, только чрезвычайная сила помогла ему удержаться при коне. Выброшенный из седла, он ухватился за хвост, а конь, к счастью, умел плавать. Чамбор оседлал его снова, погнал на запад, вдоль гор, пока не попал в дикие скалы и не наткнулся на тропу. Здесь он оставил животинку: та не перешла бы скальные грани. Просто снял с коня седло и отпустил на свободу. Надеялся, что тот уцелеет.

Сам же карабкался вверх, пока не встретил проводника – дикого пастуха, смердящего так же, как и курдюки его мохнатых овец. Пастух вывел его к засаде – шалашу, где дожидались еще пара подобных сынов беса и сельской

потаскухи. Они приготовили рыцарю горячий монтанский привет, но получили достойный ответ. Чамбор разбил им головы камнем, подобранным из кострища, и добил палицей, что выпала из руки первого разбойника. Ведомый инстинктом, он помиловал проводника, избил его, связал и приказал вести через горы.

Два дня пролетели как во сне. Сперва они взбирались к снегам и скалам, на ледяные вершины, с которых спустились буковыми лесами по ту сторону Круга.

Он пощадил последнего монтанца и тщательно расспросил его о дороге на Посаву. Потом разумно сошел с тропы, спрятался меж пастбищами и лугами, полагая, что по фальшивому следу двинется погоня.

Не ошибся. Издалека видел группку оборванцев, что быстро двигались вниз по склону. Сам он свернул на запад. И, к счастью, встретил пастухов почестнее. За золотое кольцо купил ночлег в хибаре да рябого монтанского конька с копытами столь же твердыми, как и его спина, с которой конек желал Чамбора сбросить. Животинка питалась травой и хвощами. В свою очередь, рыцарь, покупая коня, узнал о делах, от которых волосы на его голове встали дыбом.

Господарь Мирча Старый предал, выбил королевский гарнизон Нижних Врат, закрыл их перед беглецами с Рябого поля, но отворил перед хунгурами, кланяясь тем.

За открытие прохода через пороги Санны он променял зависимость от Лендии на хунгурское ярмо. Орда перевалила через горы, протиснулась ущельями и широко разлилась по стране. А потом, подгоняемая яростными ударами нагаек, пошла на север, на Скальницу и Старую Гнездицу. В самое сердце Лендии.

Чамбор теперь был умнее, чем прежде. Переждал. Следующие двенадцать дней просто лечил в шалаше раны и шишки, пережидая, пока газда, который всякий второй день спускался с гор, принесет добрые вести. И когда узнал, что хунгуров поблизости нет, попрощался, вскочил на конька и двинулся прямо на Посаву, неся под сердцем надежду и кинжал – вместо меча.

А когда увидел перед собой зеленые холмы подгорья, съехал к первым полям и увидел дымы над селами, сожженными хунгурами, его как обухом ударило. Клятва! Он ведь обещал Милошу, что займется его сыном.

Праотец, куда же ехать?

От Посавы прямой путь был в Скальницу, а оттуда рукой подать до родных Дедичей. В Дружицу ехать чуть ли не через полстраны. Вся Младшая Лендия, охваченная войной, залита отрядами хунгуров, которые жгли, грабили и убивали, идя на Старую Гнездицу.

Но Чамбор знал, в нем уже зрело малодушное решение. Он и так был трусом, как, впрочем, и все рыцарство. Он и так едва унес ноги, потеряв свиту, двух пахолков и стрелка, слуг и повозки. Возвращался ободранный, без меча, на монтанской лошадке. Кого ему еще спасти? Как звали того ребенка, малого... Езда? Яник? Якса? Якса. Он, кажется, видел его, но ему тогда больше запомнилась прельстительная жена Милоша, к которой, впрочем, всегда устремлялись взгляды гостей и родичей.

И где теперь малой? В Дружице? Или где еще? Может, мальчика захватили хунгуры. После того что сделал его отец, парня ждала страшная доля.

- Нет у меня сил, - простонал он про себя. - Есса, прости. Есть ведь предел жертвенности. Сделаю это... позже, когда все утихнет. Да и нужно мне вернуться... к Яранту. К отцу и сестрам. Что с ними?

Он стиснул зубы и двинулся на Посаву, а от нее - прямо на Скальницу и Дедичи.

Возвращался домой, страдая от злых мыслей и угрызений совести.

* * *

К огромной юрте Булксу Онг шел согнувшись в пояс, входил на коленях, боком. Старался не наступить на гладкий порог, на котором были вырезаны защитные заклинания, удерживавшие враждебных духов - аджемов - подалее от домашнего очага.

Шатер был огромен, словно замок лендичей, белый, словно первый снег, высокий, словно Древо Жизни. Посреди него пылал огонь; за очагом, на узорчатых коврах и ковриках, на возвышении и на набитых конским волосом подушках сидел двор и родня кагана. На правой, женской, половине виднелись

окрашенные в белое лица: его сестры, жены и наложницы. На левой – мужской – сидели друзья и братья, в темных кафтанах, кожанках и каюгах. Высоко возносились их украшенные рогами шапки, поскольку собрались тут те, кто имел право сидеть в большой юрте с покрытыми головами. За ними поблескивало оружие: луки, сагайдаки, топоры и широкие сабли; трофейные мечи, щиты и шлемы; украшенные серебром и золотом, свисали длинные бунчуки.

Булксу не приходился кагану ни родичем, ни другом, ни братом. С непокрытой бритой макушкой, по бокам от которой свисали мастерски сплетенные косички, без сабли или меча на поясе, он полз на коленях до огромного очага, минуя колья, увешанные высушенными головами врагов. Смотрел на кривые, словно серп Княжича, топоры дневной стражи, стоявшей за тронем, что высился на возвышении, устланном коврами и тканью. Порой возвышение шевелилось, по нему шли волны, словно по воде. Булксу не знал, отчего так происходило, но сосредоточил все внимание на поиске владыки.

Тоорул, сын Горана Уст Дуума, сам его нашел. Он не сидел на троне, но ходил по юрте – высокий, худощавый, в панцире из золоченых плиток, в красном хулане, обшитом мехом золотых лисов. На голове у него был кожаный шлем с отверстиями для глаз. Стоял на коленях его раб. Прежде чем поднял взгляд, Булксу трижды ударил челом в пол, покрытый шкурами волков и лам.

– Булксу, – проговорил каган. – Напомни мне, зачем я тебя вызвал?

– Ты вызвал меня, величайший из великих и трижды величайший Тоорул, каган Бескрайней Степи, владыка Даугрии, Югры и Подгорицы, чтобы я служил тебе. О владыка всех тварей, людей, лошадей и степных народов, от Лендии и Дреговии до Китмандских гор. Самовластец Красной и Черной Тайги, угорцев, чейенов, саков и даугров. Ты приказал, чтобы я приполз, покорный, и я приполз, верный тебе, словно пес, до конца своих дней, купно со своим аулом.

– Если бы я сомневался в твоей верности, Булксу, то черепа твоих людей украсили бы песок, а кровь напоила бы Мать-Землю. Я вызвал тебя, потому что у меня есть для тебя задание. Подними голову и слушай. Будь верным.

Булксу выпрямился, но остался на коленях. Перед ним стоял каган всех орд, победитель короля Лендии Лазаря, покоритель Скальницы, Старой Гнездицы, Монтании, первый хунгур, который перешел через Круг Гор, неся огонь и

погибель странам запада.

Но Тоорул был не один. У бока его присел карла: маленький, но не слишком-то уродливый – в кожаном чепце, в кожухе, в мягких сапожках с загнутыми кверху носками, чтобы не оскорбить Мать-Землю пинками. Выглядел он как маленький ребенок, но лицо его было морщинистым, словно у старика, а глаза – как два черных колодца. Каган положил руку ему на голову.

– Скажи мне, Гантульга. Говори, чего я жду.

– Великий каган посылает тебя, Булксу, – проговорил карла медленно и хрипло, – чтобы ты стал оружным мечом в его руке и исполнил месть от имени Тоорула. Три луны тому на Рябом поле языческий лендийский пес и разбойник, Милош из Дружичей, покусился на жизнь и здоровье нашего отца Горана Уст Дуума. Сделал он это коварно, как паршивый степной шакал, а не как муж. Убив подло, чтобы сдвинуть весы битвы в пользу лендийского короля.

И вдруг каган склонился над Булксу, схватил его за кафтан под шеей, встряхнул так, что хунгур затрясся, почувствовав на горле силу костистых ловких пальцев владыки.

– Нынче время для мести, Булксу. Ты отыщешь всех Дружичей и убьешь их. Вырежешь весь род, уничтожишь не только тех, кто сумеет пройти под обозной чекой, но и детей, отроков, младенцев. Выжжешь и развеешь их пепел по ветру, пока не останется от них ничего, только воспоминания, которые унесет степной вихрь. Выбьешь женщин и их потомство, а беременным рассечешь лона, чтоб из тех никогда не вышли на свет проклятые плоды, предатели, и никогда не угрожали жизни кагана. И моим сынам. И сынам моих сынов, и всем нашим побратимам. Ты уничтожишь их, как мы убиваем стада больных овец и коз, как не щадим лошадей с сапом, саранчу и вредителей.

Булксу молчал, не мог говорить – так сильно давила на него рука кагана. Владыка степи то и дело дергал его, толкал, тянул, потом поволол к трону. Всё под неподвижным, равнодушным взглядом жен, наложниц и всего двора. Белых, раскрашенных лиц, напоминавших маски. Длинных острых голов в огромных шапках – боктагах, в обручах, деформирующих черепа, в тяжелых будто камень диадемах и головных уборах, украшенных золотом.

Он толкнул Булксу, отпустил его и захохотал.

– Будь верным и послушным, сын Холуя, – выдохнул Тоорул. – И тогда каган позаботится о тебе как о верном сыне. В твои стада отгонит он толстых, добрых овец и наполнит ими загоны. Для тебя станут бегать быстрые кони, головы врагов украсят лучшие юрты, а бунчуки станут развеиваться в знак твоей власти. Каган сделает так, что у тебя не иссякнет утренний кумыс и жирная баранина в котле! Я знаю, что у Дружича есть сын. Приведи его живым, поскольку я дал клятву Таальтосу и должен держать слово.

– Если выпустишь коня – можешь его поймать. Обронишь слово – уже не схватишь, – закончил карла.

– Мы побили лендичей, мы завоевали их от гор до моря. Я ступал по выям рыцарей Лазаря, устилал их телами дорогу к Эке Нарана, Матери солнца. И взойду по ним к вековечной славе! Покажи ему, Гантульга! Пусть увидит!

Карла наклонился и отвел в сторону угол кармазинового ковра. Внизу, под материей, вытканной слепыми детьми Хорусана, была клетка из деревянных прутьев. А в ней... как это описать?! Сплетение связанных окровавленных тел. Некоторые были уже холодными, но многие оставались живыми: уложенные тело к телу, подрагивающие. Трон стоял на них, а прутья и цепи не позволяли людям расползтись в стороны, не позволяли распасться живому, стонущему и сотрясаемому корчами жуткому основанию власти Тоорула.

Это были рыцари, воины. Подбритые, коротко постриженные головы. Гордые бородатые лица лендичей. Стиснутые губы, не испускающие ни единого стога. Они умирали под троном кагана день за днем. И на рассвете сюда пригоняли новых – выбранных из пленников, из узников, которых приволакивали хунгуры и сдавали всё более многочисленные предатели-лендичи.

Гантульга опустил ковер, закрыл кровавую путаницу тел.

– Встань, Булксу. Встань и иди!

Хунгур медленно поднялся, все еще сгибаясь к земле. Каган похлопал его по плечу.

– Ступай за мной!

Стражники расступились, боковые пологи юрты разошлись вверх и в стороны перед каганом и его гостем. Они вышли к лагерю, прямо в море шатров, юрт и жилищ. На огромное бескрайнее поле, где стояли лагерем, кормили лошадей, чистили оружие, шкуры и доспехи тысячи людей, слуг и полунагих рабов.

Каган показал в угол у ограды из старых завес, украшенных тамгами рода Дуума. Туда, где кружились двое мерзких с виду шаманов с выбритыми деформированными головами, что напоминали крысиные. Тела их покрыты были клочьями шкур, на шеях висели черепа, тотемы и амулеты.

Они не бездельничали, но при виде кагана удвоили усилия. Шаманы резали топориками и ножами длинный заостренный кол. Выковыривали знаки и заклятия на палке, слишком тонкой для взрослого обреченного, но... Именно! Булксу понял, отчего кол столь невелик. Предназначался он для ребенка... для маленького.

И вдруг он почти услышал пронзительный крик и писк мальчика. Его жуткий скулеж, вой, мольбы и просьбы.

– Когда каган приносит клятвы, он должен их сдерживать, – говорил карла. – Чтобы слово его не оказалось птицей, что исчезает за окоемом.

– Милость моя безмерна, Булксу. – От голоса кагана хунгур пал на колени и ударил челом. – Не спрашивай меня, где найти остальных Дружичей. Получишь проводника, который проведет тебя к самому? их гнезду. Баатур! Ступай сюда!

Он махнул рукой, и меж шаманами протиснулся высокий хунгур с остроконечной головой, что выдавало благородное происхождение. Но лицо его было мертвым словно камень. Манкурт. Раб без воли и души. Превращенный в неразумного слугу, он нес, даже волок набитый чем-то кожаный мешок. Распустил ремень, растянул горловину, сунул руку.

Неожиданно вынул человеческую голову, отделенную от туловища ровным ударом. Голову мужчины в расцвете лет, с длинными поседевшими волосами, с благородными чертами, с короткой бородой.

– Милош поведет тебя к цели, – прохрипел Гантульга, прижимаясь к ноге кагана, будто к отеческой. – Да, не удивляйся ничему. Мы отрубили ему голову, но в башке этой еще осталась толика души. Наш шаман Куль-Тигин посадил ее на Древо Жизни, не позволяя, чтобы ее унес Таальтос. Прежде чем Милош исчезнет, он ответит на все твои вопросы, хотя и сделает это без желания.

– Покажи ему!

Карла прыгнул к огню, поднял раскаленное тавро с тамгой, которым клеймили скот, рабов и коней кагана. Шаман опустил голову лендича. И тогда Гантульга прижал раскаленное тавро к его щеке. Придержал, оттискивая явственный след. И вдруг голова застонала. Тихо, едва слышно, ни на что не похожим голосом, полным страданий.

– Мой Милош, верный слуга Лазаря! – отозвался каган. – Убийца отца. Говори, где твой сын, Якса. Где жена Венеда? Где земли, где кони, где невольники? Где юрта и остальной род? Избегнешь страданий!

– О-о-о-она плоха-а-ая, дурна-а-ая, из глу-у-убин зыва-а-аю к ней, господи-и-ин... Вене-е-еда! Вене-е-еда! – ужасно застонала голова. – Дайте мне к ней...

– Говори, где ее можно найти, и мы сделаем так, что вы соединитесь.

– За-а-а-а Дуной, за Старой Гнездицей, к се-е-е-е-веру направьте стопы свои... Там, там Дружица-а-а-а. Та-а-а-ам...

Гантульга улыбнулся, поцеловал Милоша в окровавленные губы. Натянул на голову край мешка, завязал ремень.

– Дай ему!

Послушный слуга бросил мешок так, что тот покатился под ноги Булксу.

– Он боится боли. Выдави из него все, что нужно. Ступай, отомсти за моего отца. Выбей Дружичей и приведи мне маленького сына Милоша.

Булксу ударил челом, рукой на ощупь потянулся за мешком с останками Милоша, отступил спиной вперед.

Каган развернулся, взял на руки Гантульгу как ребенка и направился к юрте. Всюду, где он ступал, опускались головы, наклонялись топоры и копья, бунчуки и шапки.

За большой юртой Булксу вышел на всадников, ждущих у ее входа. Это не были хунгуры или союзники – даугры или угорцы, – были это лендичи высоких родов и обширных волостей. Нынче уже не горделивые, нынче уже не конные и не оружные, но сломленные, согнутые тяжестью поражения. Побитые и покоренные.

Группу возглавлял высокий мощный мужчина с орлиным носом, черной бородой, в сварнийском шишаке с бармицей и с железными бляшками на кольчуге. Когда Булксу проходил мимо, он как раз снимал с пояса меч. А потом пал на колени, покорно, как пес, ожидая, пока каган решит принять у него клятву. За ним стоял старик в обшитом мехом плаще, с лысоватой головой, держа станицу – хоругвь, украшенную деревянным, тупо глядящим во все стороны Трибогом. А дальше стоял на коленях отряд воинов, усатых и бородатых, с головами, бритыми под горшок, в кольчугах, кожанках и сюркоттах.

Будь у Булксу больше времени, он бы увидел, как на его глазах творится история, а палатин Старшей Лендии Драгомир бьет челом и приносит клятву кагану хунгуров. Но голова в правой руке Булксу напоминала об обязанностях. Он шел к юртам, шатрам – туда, где у двухколесной повозки, запряженной каурыми лошадьми, ждала его жена Конна и сын. Маленький, всего шести весен Могке, что выставлял нетерпеливое личико в малахае над бортом.

Булксу подошел ближе, осторожно положил мешок на повозку, а потом сам туда вскочил. Поцеловал и обнял жену. Схватил и поднял Могке. Целовал, прижимал к груди, а в глазах его светилось счастье.

– Могке, малыш мой. Мой сынок, моя душа, жеребенок мой, – шептал он. – Могке, отцу твоему дали важное задание. Отец твой выслужится кагану, а милость падет и на тебя тоже. Может... займешь свое место в юрте по правую руку от владыки?

- Долго тебя не было, – сказала жена.

Булксу поставил сына на повозку.

- Нужно ехать. Зови рабов, подданных сестер и твоего брата Тормаса. Мне нужны будут силы. Все кони, все мужчины. Пусть аул объединится, словно связка дротигов, пусть станет единым копьем в моей руке. Если удастся, то станем великими. Куплю тебе... рабыню. Коней, новую, лучшую юрту. Тотемы и драгоценности. Заушницы и эти... лендийские обручи на голову.

- Сто это? Папа? Сто это? – спросил маленький Могке, кладя руку на мешок и пытаясь катать его, словно был это набитый шерстью мяч.

- Это наше счастье и слава, сын мой. Не трогай, пусть лежит. А то еще укусит!

* * *

Дедичи встретили Чамбора смрадом гари и пепелищами вместо хат. Сразу, едва он выехал из лесу, заметил бревна сожженных домов; кривые, разбитые, хрустящие под копытами плетни и покинутые сады. Помертвев, он ехал пустошью, не видя вокруг ни одной живой души. Только почерневшие остовы стен, с которых порывы ветра, как с кострища, срывали клубы сажи и черной пыли.

Только когда Чамбор въехал меж руинами строений, на майдан, где подданным оглашали волю и приказы господина отца, он увидел нетронутые коньки крыши Дедича, ворота из дубовых брусьев, наискось перечеркнутые шляпками столярных гвоздей, а выше, на пригорке, – угловатый палисад града и резко встающую над ним крытую дранкой крышу гордого дворища.

- Лива! Ли-и-ива! – крикнул он, стоя перед воротами. – Открывайте, во имя Праотца. Я прибыл... Вернулся. Прямо из боя.

За частоколом что-то зашуршало. Из-за него выглянула бородатая голова в шишаке.

- Кто таков и зачем?

– Я Чамбор из Дедичей, не узнаете? – кричал рыцарь. – Отец из вас ремни станет драть, – добавил в отчаянии, – если вы меня, его сына, не впустите.

По ту сторону ворот заскрипели засовы. Обе створки начали медленно раскрываться. Чамбор уже спешил. Вошел в подгородье, ведя коня за узду, и увидел четырех вооруженных стражей – в стеганках, кожанках и шишаках с кольчужной бармицей. Первое, что он сделал, – пал на колени, согнулся, поцеловал землю семейного гнезда.

– Отец здоров? А сестры? Ярант? Все целы?

– Живы, хозяин, а как же. И мы спасены.

– А ваши люди, господин? Пахолки? – крикнул худой высокий стражник в черном; перо от шишака не прикрывало его нос, потому как он был подрезан и отогнут в сторону, от старой раны. Поэтому в Дедичах его звали Носачом. – Олько?

– Твой брат, помню, – сказал Чамбор, медленно поднимаясь, так как в поясице чувствовал боль, а в ногах – усталость. – Он был со мной до конца. У правого бока, на Рябом поле. Радуйся, умер рыцарской смертью. Это добрая весть и, боюсь, единственное утешение в нынешние времена.

– Да что там мне... рыцарская! Что мне слава! – простонал Носач. – Ох, святой король-дух, Есса-помощник. Как в бездну с вами пошел!

Чамбор вздохнул.

– Такова судьба, Носач. Ведите меня к отцу! Быстро!

Другой стражник вынул из ухвата факел и повел Чамбора по другую сторону ворот – к калитке, врезанной в плотный высокий палисад, опоясывавший двор; с боков же тот защищали частоколы и торчащие из земли заостренные колья. Вдвоем они, Чамбор и стражник, подождали немного. Взгляд юноши между тем пошел вверх, где чернели четыре формы. Знакомые, со свисавшими по сторонам косицами, куцыми бородами, вытарашенными или закрытыми глазами. Острые к маковке, сходящиеся там...

...голова хунгуров? Вид неожиданный, но радующий сердце. Стражник ударил в калитку. Кричал приятелю с той стороны, а когда звякнули запоры, повел Чамбора прямо на хорошо освещенный двор, к главным дверям, что раскрылись на резко скрипнувших петлях. Через дубовый порог, выглаженный тысячами ног, перелились тепло, духота и запах живицы на сосновой щепе, горящей в очаге.

Юноша вошел внутрь и припал на колени. И вдруг оказался без малого в толпе, что создали его сестры – Евна и Мила. Обе – растущие и высокие, одна со светлыми, вторая с каштановыми волосами, заплетенными в косы до пояса.

– Братик, вернулся! – выкрикивали сквозь слезы. – Ты цел, цел?

– Где отец? – Чамбор вырвался из объятий Евны, осмотрел огромные сени, лавки и столы, стены, увешанные шкурами и коврами. – А Ярант?

– Я тут... Брат!

Тот хромал потихоньку, согнутый в поясе, придавленный горбом, несчастный младший брат Чамбора. Проигравший гонки за мечом, рыцарскими острогами и конем. Который из-за своей искалеченности должен был ходить по земле, вместо того чтобы возноситься над ней в славе на спине жеребца.

– Братишка...

Они поприветствовали друг друга. Чамбор почти обнял Яранта, поднял его и поцеловал дрожащего.

– Я жив, – выдохнул. – Видите, я вернулся.

– Где челядь? Свита?

Он тряхнул головой, поставил калеку – горбатого брата, – осмотрелся.

– А отец? Странно, что я его не вижу.

– Закрылся в подклети. Не разговаривает с нами, никого не выпускает. С того мига, как пришли новости о поражении на Рябом поле.

– Веди, братишка.

Ярант, хромая, почти бежал по половицам, застеленным шкурами, в то время как Чамбор шагал следом, не уверенный, что ждет впереди. Брат взошел ступенями, грубо вытесанными из еловых плашек, на галерею и встал перед запертой дверью.

– Дальше я не пойду, – застонал. – Господин отец – там. Запретил входить.

– Бил тебя?

– Терпеть можно. Не так оно и худо, братишка. Рука уже не та.

Чамбор похлопал его по горбу.

– Хорошо, что я вернулся. Не бойся, будет лучше. Вот увидишь.

– Я молился... за тебя, брат. Есса за тобой присматривал.

– Лишь бы продолжал... – отмахнулся он. – Я видел Рябое поле. Вещи похуже смерти. Да что там!

Застучал в дверь, отворил ее и вошел, с сердцем, что было тяжелее, чем тогда, на Рябом поле, когда он готовился к битве рядом с королем.

Увидел мрачную комнатенку, покрытые толстым слоем пыли доски, запертые ставни, коптящую на столе лампадку.

И мужчину, восседающего на тяжелом раскладном стуле с поручнями, – был тот в кармазиновой сюркотте; с лысой головой, окруженной венчиком седых волос, да вислыми густыми усами. Он опирался на скрещенные руки.

Смотрел в одну точку – в грубо тесанный стол, на котором лежал медный медальон и деревянный мечик-игрушка.

Медальон Чамбор получил от матери, но оставил в Дедичах, отправившись на войну, мечиком же он безжалостно лупил маленького Яранта, пока инок не вбил ему розгами разума. Его вещи. Символы. Память. И отец, склоняющийся над ними голову.

– Я вернулся.

– Кто здесь? – спросил Килиан из Дедичей хриплым голосом, словно был глухим и слепым, а не хромым на обе ноги.

– Это я, твой Чамбор.

– Чамбор погиб. Ступайте прочь!

– Посмотри на меня! Молю!

Вошел в круг света, не уверенный, как поступит родитель. Килиан заморгал, гримаса не то сожаления, не то злости искривила его сморщенное старческое лицо.

– Ха, ты здесь... – сказал он. – Ты здесь. Точно ты? Не мара? Не стрыгон?

– Отец, прошу! – Чамбор припал на колени, взял тяжелую, изборожденную морщинами руку старика и поцеловал ее.

– Должно быть, и вправду ты, – проворчал наконец старик. – Да-а, в таком уж разе помоги мне встать.

Приподнимался, обеими руками опираясь на гладкие поручни стула, но сам не сделал ни шагу. Его кости были разбиты и выкручены, ноги слабы. Так вышли ему боком на старости лет старые раны от битв и сражений, которые он вел в урочище, на месте града, где многие годы тому назад победил визгуна, державшего в страхе околицу и на чьем логове заложил тогда Дедичи.

Нынче он едва стоял, подпершись костылем, но рука его еще оставалась тяжелой. Даже теперь, когда он опирался на Чамбора, прежде чем уйти, потянулся к стулу и взял прислоненную там длинную тяжелую палицу, что заканчивалась

копытцем серны, а ниже шел длинный плетеный бич.

– Пойдем, сыне, вниз. Проведи меня.

Спускались они медленно, мерно. Старик смотрел в никуда.

– Ну, что зенки вылупили? – прохрипел дочкам и Яранту. – Подавайте вечерю; не видите, Чамбор вернулся. Есса! Не могло быть иначе, не мог он погибнуть. Моя кровь в нем, всякому видно.

Горбатый Ярант покорно согнулся.

Слуги подбросили дров в очаг; разгорелась смоляная щепка, запылали лампадки. Сестры и домашние расселись на лавках вокруг стола, где уже стояли глиняные миски с коржами, просяная юшка и каша со шкварками. Впрочем, старого сала было куда больше, чем кусочков мяса. Еще – мед в кувшинчиках, загустевший будто камень и холодный, прямо из глубокого погреба. Пиво и древесный сок, что разливали по деревянным кубкам и рогам только для Килиана и старшего сына. Ярант присел подальше от отца, на углу стола, внимательно глядя на брата, который ел, разрывая коржи, почти давился и больше вталкивая еду в рот, чем наслаждаясь вкусом.

– Хорошо, что я вернулся, – сказал наконец Чамбор, поднимая полный рог пива. – Не надеялся застать вас живых-здоровых.

– Хунгуры были тут чуть раньше тебя. Сожгли село, но я, – сказал Килиан, – успел приказать хлопам спрятаться в бору. Хаты отстроят к лету. Если мы вообще его дождемся.

– Вы оборонялись?

– Они не пытались нас захватить. Орды жгли безоружные села, но обходили грады и замки. Не было у них времени, пошли на север, – махнул отец над столом, – на Скальницу. Но еще вспомнят о нас.

– Со всех окрестностей, – сказала Мила, – только мы и остались.

– Говорят, – продолжал Килиан, – князь Дрегови и Мирча Старый предали, били челом хунгурскому псу на поле боя, где еще кровь Лазаря не выстыла.

– Господарь предал дважды. Сперва в битве, потом в бегстве. Затворил перед нами Нижние Врата. Позволил вырезать недобитков. Я едва оттуда выбрался.

– Позже мерзавец отворил их перед новыми хозяевами, – пробормотал отец. – Пропустил хунгуров через Круг Гор. Проклятый сын черной шлюхи, монтанский пес бесхвостый. Это у них семейное. Где твои люди?

– Остались на Рябом поле. В вечном сне, отец.

– Проклятая доля! – заворчал отец. – Конь четыре гривны стоил, воз и припасы – три. Броня и оружие для пахолков – вдвое больше. Надеюсь, ты хотя бы с мечом вернулся?

– Меч лежит рядом с Ольком и Нарогом. Я потерял его в битве. Не гневайтесь, он хорошо мне послужил.

– И ты вернулся без оружия, сам один, без коня! – рявкнул Килиан. Вдруг схватил палицу, замахнулся, а его усы встали дыбом, словно у дикого животного.

Но удара не последовало. Чамбор протянул руку, схватил палицу на лету, поймав перепуганные взгляды побледневших сестер.

– Давайте без этого... спокойнее, отец! Потеряете силы, и что вам с того? Меч я всегда новый найду. Сам добуду, если ваши все заржавели.

– Пять хунгурских голов украшает ворота Дедичей. А ты хотя бы одну срубил в этом походе?

– Важнее, что привез назад собственную, – Чамбор постучал себя по лбу. – На плечах. Немногим такая штука удалась.

– Ярант! – Килиан люто, словно клинком, резал слова. – Ступай сюда, поклонись отцу за провинности свои и брата!

– И какие же, – простонала Мила, – у него провинности, господин отец?

– Молчи!

Младший сын медленно встал, согбенный, будто горб его весил вдвое больше, чем ранее. Уже подходил и терпеливо подставлял отцу спину, когда между ними встал Чамбор.

– Хватит, отец, – сказал он. – Не делай такого, когда орда топчет наш край. Нынче мы должны оставаться едиными. Да и что тебе с того, что выплеснешь ярость на Яранта. Попробуй на меня. Когда раньше ты гордо вышагивал своими ногами, всегда выбирал лесного секача и медведя вместо зайца. Я с покорностью приму удары, пока ты еще можешь говорить. Но что станется позже, когда власть над Дедичами приму я и буду помнить о твоих оскорблениях?

Отец закусил губу. Чамбор был слишком велик, чтобы обойти его или перепрыгнуть. Дрожащей рукой он положил палицу на стол, но не слишком далеко – так, чтобы она оставалась под ладонью.

Чамбор между тем похлопал Яранта по горбу (в такие моменты всегда говорил себе, что на счастье), указал на его место, а сам вернулся на свое – на лавку, накрытую волчьими шкурами.

– Те, что первыми сбежали, принесли нам весть, – сказал отец, едва отхлебнув меда из рога, – что в битве погиб наш родич, Милош из Дружицы. Погиб мужественно в битве с самим каганом Гораном. Это правда?

– Я только слышал. Если бы видел, моя голова теперь наверняка украшала бы шатер нового владыки хунгуров. Но... это не вся правда. Милош убил старого кагана коварством. Из-за этого те разъярились, пообещав превратить Лендию в руины.

– Если помнить об обычаях степных людей, это кажется невероятным: приблизиться к господину и владыке, пройдя меж отрядами стражи, и ткнуть его открыто, чтобы сложить голову. – Килиан барабанил по столу пальцами, держа в левой руке полный рог.

– Я виделся с Милошем перед битвой, – признался Чамбор. – Выглядел тот... Казалось, он уже попрощался с жизнью. Похоже, все спланировал заранее.

– И он сказал тебе что-то особенное?

– Ничего... То есть, – Чамбор едва не прикусил язык в досаде, – имел просьбу, чтобы в случае смерти я занялся его сыном, Яксой из Дружицы.

– И ты ему это пообещал?

– Поклялся, иначе-то как? Когда я выезжал в поход, вы приказали мне его слушать. Я слово дал.

Килиан аж затрясся.

– И после всего, после его мученической смерти, ты приехал сюда, вместо того чтобы... Где Якса? Потому как с тобой его нету.

– Я за ним не поехал. Отец, прошу и молю... Как я мог не вернуться в Дедичи? Я беспокоился о вас, сестрах, брате. Никак было ехать за Яксой. Да и край нынче в огне.

– Молчи! – заорал Килиан и в ярости метнул кубок прямо в лицо служанке, которая подпрыгнула от неожиданности, скорчилась и отступила под стену. Отец ударил кулаком в стол: раз, второй. – Ты хочешь сказать, что нарушил слово, данное Милошу?! Что оставил этого ребенка одного после смерти родича?

– Отец! – застонал Чамбор. – Я этого не сумею, прошу. Войско уничтожено, король погиб. Я едва ушел от разгрома. Да, у меня были угрызения совести, она рвала меня. И я не знал, куда ехать сперва. Предпочел вас, потому как подумал, что вы в нужде.

– Можешь не бояться, все в этом граде на коротком поводке ходят! Пахолки и стража боятся меня, Килиана, больше, чем Волоста. Мы сами справились с хунгурами! Чего нельзя сказать о вас на Рябом поле.

– Я вернулся, отец, потому как полагал, что хотя бы раз услышу от вас... доброе слово.

– Не надейся!

– Я вернулся, потому что не хотел смотреть, как вы издеваетесь над моим братом. За что вы его ненавидите?!

– Сам знаешь, проклятие визгуна ударило в меня через него.

– Вы его били, когда он был маленьким, вот и сделался ему горб...

Отец молчал, яростный и злой. Ничего не сказал, но и не тянулся за палицей. Сестры и Ярант сжались за столом, слуги сбились в дверях.

– Хо... хорошо, что ты выбрал приехать сюда, – сказал наконец Килиан. – Но плохо, что подставил свою честь под позор. А она – единственное, что дал нам Есса, собственной кровью отпечатывая знаки мужества на наших щитах. Потому ты сейчас же отправишься за Яксой и найдешь его прежде, чем это сделают хунгуры.

– У Яксы есть друзья и родня. У него есть мать, дядя Пелка.

– Отправишься утром, едва выспишься, – повторил отец. – Я дам тебе Носача и двух пахолков, коней, мечи и панцири. Поедешь, потому что ни Венеда, ни Пелка не знают об одной вещи, о которой наверняка подозревал Милош.

– О какой... вещи?

– Кто нанесет вред кагану, будет истреблен купно с родом. Хунгуры не оставят их в живых, вырежут весь род, всех, вместе с детьми. Наверняка именно это хотел сказать тебе Милош, но ты не догадался. Потому что глуповат насчет такого. А значит, на твоих руках будет их кровь. Понимаешь? А пролитая кровь не спит.

Он кивнул служанке и медленно встал из-за стола.

* * *

Выдвинулись на рассвете, как и хотел отец. И с самого начала они шли следами орды. Сожженными градами, опустошенными, вымершими селами, по пустым шляхам, на которых волки и лесные шакалы рвали тела мертвых беженцев. Вымершими хуторами, полными непогребенных трупов. Там, где народец успевал уйти в леса, жизнь медленно возвращалась за пороги и ворота. Но немного ее оставалось для рыцарей и иноков, володарей, пахолков и владык. И совсем не было таковой для Единоверцев.

После прохода хунгуров восставало село. И било грубо, убийственно, в самые сердца господ, владык, суверенов и князей. Копьем, дротиком, топором, палицей; дубиной, утыканной шипами; вилами, серпом, ножом для травы. Ударяло в сборы, дворища, грады, башни – жгло, било-убивало старых господ. Лендия распадалась на осколки и горела в пламени. Вчерашние ленники нынче били челом новым господам, а в лесах снова расцветали и росли подпаиваемые кровью жертв идолы старых богов. По мере того как зарево вставало над горящими сборами, оживали и разрастались от корней вековых деревьев Гром, Свантевит, Волост и еще куда старшие кошмарные плоды проклятого Чернобога, резанные из камня – не дерева: Мокошь, Трибог, Карс и прочие, забытые, изгнанные иноками и иерархами, загнанные в чащобу корчучаемых лесов, по которым некогда ходили бесы и стрыгоны, приказывая людям себе кланяться.

Сопrotивления не было. Два дня Чамбор ехал то сам по себе, то в группках беглых селян, блуждавших без цели. Рыцари поуходили в боры, позапирались в набольших градах, а хунгуры пока не имели времени их штурмовать. Чамбор узнал, что палатин Младшей Лендии пытался еще раз встать против врага – на этот раз во главе недобитков с Рябого поля, скандинских гарнизонов из градов и замков, поспешно собранных по селам воинов и щитоносцев. Там он и погиб, пал, окруженный, а выжили те, кто бросился в быстрые волны Санны и позволил понести им себя.

Поэтому Чамбор скрывался по лесам от ватаг селян. Объяехал незаконченный замок в Розборе, от которого остались лишь кучи камней, деревянный палисад и леса, которыми гулял ветер. Заехал в леса, из них – в долину Цикницы, по обеим сторонам украшенную серо-коричневыми, покрытыми свежей зеленью всходов полями.

И когда он добрался до места, откуда в небо били струи дыма; когда убедился, что Дружица пала, уничтоженная не то хунгурами, не то невольниками и слугами, сам не знал, печалиться ему или чувствовать облегчение, что так закончилась его клятва, данная Милошу.

Село и усадьба были сожжены, разрушены до основания, до фундаментов. Остались только каменные стены палатия и прилегающего к нему сбора, над которым еще вставал темный дым. Чамбор осмотрелся на поле боя, а Носач, что медленно и неохотно шагал за ним, как и двое других прислужников, сидели нахохлившись в седлах, глядя на рыцаря исподлобья – словно он был виноват в разрушениях.

Между пепелищами, из которых торчали лишь плетни из веток да остатки заборов, он вдруг увидел согбенную фигуру в черном плаще и капюшоне. Препоясанную цепью, запертой на огромный висячий замок.

Нечто подобное мог надеть только пустынный, что несет покаяние за преступление, живет в лежащем в глуши скиту и изредка выходит к людям. Но... что он делал? Выглядело так, словно посреди руин, меж сожженными хатами копал яму! Недалеко рядом лежали сожженные тела. Мертвые лица закрыты рваными тряпками. Пустынный просто рыл для них могилу в черной сожженной земле.

– С коней!

Пахолки неохотно слезли. Он отдал поводья гнедого Ивашки Носачу; конь потрянул головой, ему не нравилось тут все – он был мокрый и охотнее всего вывалялся бы в пыли, раз даже опустил голову, попытался лечь, но вскочил после резкого окрика слуги и рывка за поводья.

Чамбор пошел к пустынному, остановился, глядя, как тот работает, роет землю деревянным колом. Снял шлем, сделал Знак Копья.

– Да славится, брат, – сказал.

Пустынный на миг повернулся к нему. Прервал копание.

– Опоздал ты, рыцарь, – пробормотал. – Нужен был тут раньше. Нынче можешь только помочь положить в землю тех, кто погиб жестокой смертью.

– Я тут не для того, чтобы хоронить покойников, но чтобы делать ими врагов. И у меня нет времени, брат... как там тебя звать.

– И я тут не для болтовни. Но догадываюсь, кого ты ищешь. Хочешь узнать – покажи, что копать умеешь не хуже, чем махать мечом.

– Ты меня оскорбляешь!

– Нет у меня на такое времени... господин. – Монах снова принялся копать. Яростно вбивал окованный кол в землю, желая перерубить упрямый корень. – Потому простите меня униженно – или как там себе пожелаете.

Чамбор не решил, будет он угрожать или просить, когда Носач прошел мимо и соскочил в яму, взяв кол из рук пустытника. Яростно воткнул тот в землю и вопросительно взглянул на рыцаря.

Тогда юноша расстегнул пояс с мечом и отложил на траву шлем. Стал помогать слуге. Еще поднял голову, взглянул на двух оставшихся стражников.

– Расседлайте коней! – приказал.

Они быстро выкопали яму, перетянули в нее тела, отмеченные, как теперь разглядел Чамбор, ранами от хунгурских стрел. Некоторые наконечники еще торчали в трупах, древки были обломлены у кожи. Видел он тела женщин и, не глядя на пустытника, проверил, нет ли среди них жены Милоша.

Не было. Закапывать тела он оставил Носача и пустытника. Ждал со склоненной головой, пока последний отчитает молитвы и увлажнит кровью свежеутоптанную землю на могиле.

– Как я говорил, у меня немного времени, брат, – напомнил глухо.

– Венеда, госпожа в Дружичах, мертва.

– А Якса, маленький сын Милоша?

– Мертвы также Пелка и брат его отца. Погиб в бою Фулько Змей, которому наш настоятель поверил опеку над вдовой. Убит был и Хинча из Бзуры, человек, который позже ее охранял.

– А малый сын?!

– Не знаю, что с Яксой. Может, его забрали хунгуры. Мы не нашли тела на могильнике столемов, где он прятался с матерью и рыцарями. Ничего не знаем, но, если он в руках орды, ему не будет хорошо.

– Проклятье! Проклятущее проклятье! Что тут случилось?

– В Дружице вспыхнул бунт, когда не стало господина, короля, кастеляна, войскового, и остались одни иноки, женщины да старики. Тогда прибыли хунгуры, словно мало одного несчастья.

– Что с вдовой?

– Убежала с Яксой в сумятице, что поднялась. А потом хунгуры сожгли село и вырезали всех, кого достали. Недолго подданные радовались свободе. Но они уже в бездне. Мы похоронили их, прежде чем встанут, чтобы выть стрыгонами.

– Брат, где может быть Якса?

– Хунгурский каган из-за мести по смерти отца приказал вырезать весь род убийцы. И... так и случилось. Мертвы оба брата. Убита Венеда и слуги. Если малой попал в руки орды, его ждут муки, потому что они не простят даже ребенка. Смерть идет за этим мальчиком следом.

Чамбор уже какое-то время ходил вперед-назад, хватался за голову, раздумывал, ударял кулаком в открытую ладонь. И вдруг присел перед пустынником.

– Брат, не знаю, как тебя звать, но смилуйся надо мной. Я поклялся Милошу Дружичу, что, если он погибнет, займусь его сыном. Поклялся кровью Ессы,

мечом и рыцарской честью. Сам видишь, Праотец мне свидетель, что... не смогу выполнить клятву. Якса потерян, я сделал все, что в моих силах, чтобы его найти. Освободи меня, прошу, от моей клятвы.

Злая ухмылка искривила губы пустытника.

- Нет, брат. Не проси об этом. Якса жив. Он еще дышит. Ищи его, если поклялся.

- Тогда скажи, где мне его искать, если ты такой умный!

- Тебе придется войти меж орд языческих и хунгурских, брат. Пусть расступятся они перед тобой, как древле - лес перед Праотцом, пусть Княжич укажет тебе путь, как Ессе, когда шел он пустынями и степями к Ведде. Ступай.

- Обманываешь меня и дуришь. Освободи меня от присяги! Приказываю!

- Сам святоблустительный иерарх не сумел бы этого сделать. Хочешь заставить меня силой?

- А хоть бы и так!

Пустытник воздел руки так, что те вылезли из рукавов; юноша увидел на них кандалы: старые, ржавые, скрепленные толстыми заклепками из железа.

- Я убивал и тех, кто был куда сильнее тебя... рыцарь.

- Из какой ты пустыни?

- Похоронили меня в Могиле.

- Не хочу знать, - сплюнул Чамбор, - за что именно.

- Не хочешь.

- Но я должен узнать, куда отправиться за Яксой. В орду?

– Езжай пусть бы и к себе. Не бойся. Он не исчезнет. Не пропадет. Вывернется. Ты найдешь его. Езжай!

Вдруг за спиной рыцаря началось какое-то замешательство. Чамбор оборотился, отпрыгнул в сторону, схватился за меч...

Увидел, как один из пахолков – битый оспой, в кожаном колпаке, – отбрасывает второго пинком, прыгает в седло, дает шпоры коню и мчится в поля. А потом летит прямо к лесу, не оглядываясь, так, что комья грязи летят из-под копыт.

– Лено-о-ок! – орал Носач. – Наза-а-ад, мерзавец! Предатель! Сукин сын!

Тот мчался, словно выросли у него крылья. На лучшем, быстрейшем коне из тех, на которых прибыл сюда Чамбор...

Юноша поднял меч, опоясался. Закусил губу.

– Господин, прости! – упал в ноги второй слуга. – Обманул он меня, оседлал коня. Я думал, для вас, а он для себя.

– Собираемся! – крикнул Чамбор. – Возвращаемся. Нечего тут делать.

* * *

Стояла поздняя ночь, когда кто-то заколотил в ворота усадьбы в Дедичах: нагло, настойчиво, словно хотел перебудить задремавших стражников, хотя те и не спали вовсе. Два факела высунулись из стражницкой над воротами, прочертили полукруги, послав вниз желтый бледный свет.

– Кто тут?

– Это я, Всебор, – крикнул какой-то человек под темно-бурым плащом и с капюшоном на голове. – Со мной Сема и больше никого. Мы должны увидеться с господином Килианом. Как можно скорее.

– Все спят. В колодки пойдешь, если разбудишь его без причины.

– Открывай ворота, дурень! Думаешь, не знаю, что с нами сделает господин за брехню? Мы от наших, что в лесу. Хунгуры на вас идут! Ордой!

Стражник заколебался, но его товарищ уже спускался, сбегал узкими ступенями, хватался за огромные запоры и вынимал колоду из петель. Ворота вздрогнули, раскрылись. Всебор и его приятель проникли сквозь щель.

– Мудрый ты, Ходько, – проворчал селянин. – Мудрый и умный. Это хорошо. Веди в усадьбу, к господину.

Они двинулись в ночь быстро, почти бегом. При вторых воротах стражник остановился и постучал раз. Потом еще трижды. Сверху их снова осветил факел.

– Всебор к господину. Вести о хунгурах.

Стражник не торопился отворять, а Ходько беспокоился, переступал с ноги на ногу, тряся, словно достал его холод весенней ночи. Только Всебор стоял неподвижно, будто мрачное идолище языческого Грома.

Наконец лязгнул засов, калитка в воротах отворилась, в глаза засветил факел.

– Вы все? Вместе? Господин не при...

Не закончил. Всебор ударил тонким острым кинжалом. Наискось снизу, в живот, через клепаную стеганку, над поясом. Правой, потому что левой он закрыл рот стражнику. Тот второй, молчаливый селянин, Сема, подскочил, придержал жертву, чтоб не дергалась.

Свет приугас. Только на миг, потому что Ходько поднял факел, прежде чем тот погас. Опустил его снова, чтоб не смотреть на трясущееся лицо умирающего; к счастью, Сема сразу подхватил того под мышки и потянул в темноту, вдоль палисада.

А Всебор сунул Ходьку в руки кожаную мошну.

– Держи. Теперь ты наш, не их, не лендийских господ! Слава богам! Идем!

У главных ворот закипело. Почти беззвучно, без криков. Замерцали факелы, словно придавил их ветер, а когда пламя выстрелило вверх, раздался тихий лязг открываемых запоров. Ворота распахнулись, приглашая тьму войти.

И тогда тьма эта ожила десятками, сотнями фигур, которые поднимались из травы, из-за кустов, из неровностей изрытого конскими копытами поля перед воротами. Фигуры двинулись, поплыли в тишине над землей прямо к усадьбе. Меж створками ворот.

Крик поднялся только через минуту. Когда свистнули стрелы, забили барабаны. На подворье отозвался стеклянным голосом колокол. Поздно.

Вдруг зажглись железные корзины в подгородье, встали целые ряды огней и пламени, и шли они в одну сторону – ко двору. Свет вырвал из объятий ночи фигуры в свитках, рубахах, меховых треухах, шапках; в капюшонах, со всклокоченными длинными волосами. Укрытые шкурами, с копьями, топорами и дубинами в руках, с палицами и цепями.

Чернь добралась до стен усадьбы, принялась бить, лупить обухами, тыкать бревнами, принесенными из лесу, как тараном. В темное, далекое, затянутое тучами небо ударил громовой рев, рык такой, будто сорвались с цепи вихри.

Это длилось недолго. Двери поддались, а скорее, кто-то внутри откинул запоры. Толпа ринулась внутрь, в большие сени, сперва кинулась срывать со стен гобелены и занавеси, мечи и щиты, а потом сосредоточилась на живущих в доме. Поднялся писк и крики, глухие стоны, теряющиеся в хоре яростных голосов подданных.

И тут же из главных дверей усадьбы вынырнули двое крепких селян, волокущих под руки самого Килиана: в одной длинной рубахе и ноговицах, вырванного из сна. Старик даже не дергался, не вырывался, поводил удивленным взглядом по всем этим людям, которые вылезли на подворье, как злые пчелы по весне.

– Велен! Душан! – кричал он. – Где вы?

Никто не встал на его защиту. Внутри усадьбы раздалась крики дочек: смешавшиеся, испуганные.

– Мы все здесь! – загремел в ответ Всебор. – Смотри на нас в последний раз! Теперь мы пришли не работать в поле, не голос колокола призвал нас на подворье.

– Заплатишь за это, честью моей клянусь! Кровью заплатишь – и ты, и вы все... Бунтовщики!

– Да мы уже не боимся, светлейший господин! Ваша власть, вера, иноки и единый бог уходят вместе с хунгурами. Не будет десятины на сбор и подворного, плужного; не станет нам иннок головы морочить, а володарь выгонять на рассвете в поле!

– Сдохнешь! – выдохнул Килиан. – Я тебя, холоп, на кол посажу! Волочить прикажу вокруг села...

– Послушай песню своих дочек! Вот, слышишь? – Всебор вскинул голову. – Поют на погибель всему твоему роду.

Крики и плач все еще раздавались из усадьбы, но теперь тише, приглушеннее: как видно, пресветлых дочерей Килиана нынче объезжал кто хотел – свободный и смерд, свинопас и оратай, пастух и надворный прислужник. Хозяин Дедичей вдруг повис бессильно в руках бунтовщиков.

– Евна! – зарычал. – Мила! Молчите! Тихо! Тихо! Они заплатят! За слезы и позор! Молчите! Закройте рты!

– Ты и сам сейчас заскулишь! – сказал Всебор. – Просим, господин, на пир!

Вдруг толпа закипела, сорвалась с места. Все – мужчины, сжимающие копья, бабы с серпами, подростки с палками и камнями – принялись злоречить, бросать грязью и конским навозом так, что то и дело получали свое и два мужика, державшие Килиана.

– Если убьете меня – вернусь! Восстану и упырем оживу!

– Не вернешься! Не сумеешь!

– Вернись! И загрызу!

– Не вернешься... потому что перережем тебя напополам.

Подросток с встопорщенными волосами подsunул большое деревянное корыто. Бросили на него господина – на живот, волоча бессильные, путающиеся ноги, словно раздавленное насекомое. Сверху прикрыли его второй лоханью. Подскочили бабы, приподняли один край, перевязали конопляной веревкой, обездвижив властелина в ловушке, будто в гробу.

– Что вы делаете! – рычал как одержимый Килиан. – За что... За то, что я вам визгуна убил? Языческие, проклятые лжецы из леса! Заплатите мне за это! Кровь моя станет семенем мести!

– Кричи, кричи! – пискнула какая-то из баб. – Пусть тебя твой фальшивый Есса утешит. Он нас с неба молнией, как Гром, не поразит! И не скажет ничего!

– Фальшивый бог! Проклятый! Прочь его!

– Ты сам как сосун! Как упырь! Сколько у нас крови выпил!

И тогда Всебор воздел вверх железную двуручную пилу, которой обычно перетирали стружку на пол в усадьбе.

– Начинайте!

Сразу ухватились за нее двое свободных – бородатых, в плащах и кожухах, кожаных башмаках: один с искривленным лицом, второй – стриженный под горшок, с опухшим лицом и усищами.

И вдруг установилась тишина, злые голоса стали опадать, корчиться, утихать, перерождаясь в молчание толпы, диких, грязных, загорелых лиц. Глаза их говорили всё...

– Режьте тело напополам! – кричал Всебор. – Пусть он никогда не встанет! Во славу старых богов!

– Слава богам! Слава! – отозвались селяне.

Железные зубья взвизгнули на корыте, воткнулись в мягкое липовое дерево, режа в нем узкую щель. Мужики управлялись, попеременно тянули вправо-влево, пила пела и скрипела. Всё ниже, всё ближе.

Наконец пила воткнулась в тело и кости, окрасилась кровью, окропив края корыт, между которыми извивался Килиан.

– Из дикого леса выведи нас, Господи! – заговорил он вдруг рвущимся голосом. – В сбор, который выстроил ты для нас в лесной глуши!

И потом добавил хрипящим злым голосом:

– Я вернусь! Вернусь за вами, дети мои! Смотрите на меня вблизи, запомните всё, и сохраните в памяти своей боль. Будете выть со мной в бездне, проклятые! Проклятые! Прокля... тые...

Последние слова он едва хрипел. Пила резала его безжалостно, раз за разом, к шелесту располовиниваемого дерева добавился хруст костей. Какая-то женка милосердно закрыла глаза ребенку, что сжимал побелевшим кулаком камень с дороги.

– Ровно! Дальше, раз, два!

– Оставь нас в покое! – крикнул какой-то парубок. – Пошел прочь! Пошел!

– Гром, обереги меня от злого!

А Килиан смотрел, но уже не на дикую толпу, не на мучителей. Меж смердами и рабами, смердящими, будто козлы, бедностью и неволей; дышащими, словно быки, жадной мести, увидел скорченную, пригнутую к земле фигуру Яранта.

Тот был свободен! Пьяная от крови толпа ничего ему не сделала. Почему же он стоял между холопскими волками неразорванный и нетронутый?

Килиан всматривался в сына широко раскрытыми глазами. До самого конца, до того момента, как кровь полилась из его раскрытого рта. Когда же понял – все и закончилось. Таким он, собственно, и остался: спокойным и смотрящим.

– Глаза! – застонал кто-то, не выдержав. – Эти глаза! Чур нас!

– Закройте их ему! Быстро!

– Крючком выковыряйте!

И вдруг снова поднялся шум, крики, стоны. Пламя побежало по крыше усадьбы, а весь град вспыхнул, словно большой факел.

И пылал долго, до полудня следующего, горького дня.

* * *

Булксу прибыл утром. С людьми, торжествуя. Весь аул вышел на луга и поля перед юртами, поприветствовать даркана, старшего, вельможного; каждый ел с его руки.

Добыча была невелика. За конем Тормаса, мужа его сестры, шел, спотыкаясь, маленький лендийский паренек. Шел с арканом на шее, руками и головой в деревянных колодках; шел всю ночь, а порой и бежал, задыхался, волочимый на аркане.

За это время в клочья разодрались его чижмы, обнажив окровавленные ноги. Края дубовых колодок ободрали шею и запястья ручек до крови. Малыш уже не плакал, не жаловался. Просто шел бездумно, шаг за шагом, оставляя после себя кровавые потеки. По колеям и ямам, что выбили неподкованные копыта хунгурских коней. Ноги его вязли в конских отходах, бились о камни, ступали по лужам, тонули в грязи, оставляя следы на мученической дороге. Пастухи и слуги, рабы и ребятя удивлялись, глядя на необычную добычу Булксу. Сколько мог стоять этот ребяенок? Отчего столько дней и ночей старшие гоняли за ним по полям и лесам?

Аул раскинулся на полях между сожженными селами Старшей Лендии, около разливов Дуны, на которых издалека видны были тучи птиц; вокруг желтели и белели цветы на весенних лугах. На их фоне темнели стада коней, овец и коз, вставали круглые юрты и шалаши, овитые кислым дымом костров, окруженные шнурами и веревками. В лагере кипела работа, невольники управлялись с овцами, скребли кожи, вялили на огне и сушили на солнце мясо, женщины пряли и ткали шерсть, белили и красили ткани. Булксу сошел с коня перед юртой, склонившись, подошел ко входу, пал на колени, поцеловал порог. Его жена Конна уже ждала с детьми.

- Тебе нет нужды ехать в лагерь кагана, - сказала она. - Тоорул, великий господин степи, победитель Лендии, приедет сюда. Только что прибыл его посланник.

- О-о-о, Конна, это для нас большая честь. Прикажи убить сивого вола, пригнать жирнейших баранов, принести и нацедить лучшего кислого молока, какое только дают наши лошади.

- Я обо всем уже распорядилась. Нашел ли ты то, чего хотел великий каган?

Булксу хлопнул по пузатому окровавленному мешку на боку коня Тормаса, потом оглянулся, рассмеялся, подхватил на руки своего маленького сына Могке, поцеловал его, подбросил несколько раз. К старшей, Селенэ, стоявшей рядом, в катанде и меховом колпаке, из-под которого видна была подбрита голова, он даже не подошел.

- Эй, дети, мои дети! - крикнул весело Булксу. - Пойдемте, покажу вам, что я поймал. Смотри, Могке, вот пленник.

Понес сына на руках туда, где в траве лежал покрытый кровью и грязью Якса. Селенэ пошла следом.

- Вот наш раб, благодаря ему мы станем богатыми, представить себе не можешь, Могке, насколько богатыми и важными. Сам каган приедет за ним.

- За этим мальчиком, папа? Он ведь такой же маленький, как и я.

- Он лендич, служил бы тебе, но должен расплатиться за зло отца.

- А мне можно... можно к нему прикоснуться?

- Можно.

- А поиграть? - спросила вдруг Селенэ. - Нам нужен третий для игры в городки. Джочи болеет, лежит в юрте.

Булксу рассмеялся, осмотрелся и вдруг схватил веревку, взял в руки нож, перерезал петлю.

- Поиграть? Играйте. Он наш, не сбежит. Иди, Могке, ударь его, укрепляй тело и душу.

- Он же связан, - жалостливо вмешалась Селенэ. - Связанного нельзя бить!

- Это не хунгур. Ты можешь сделать с ним, что захочешь, только бы он оставался жив. Иди поиграй, покажи мне силу, пусть он почувствует боль.

Булксу поставил сына на землю, а Могке сразу пошел к Яксе. Пнул его - исподтишка, быстро, больно, как только мог сделать малец его возраста. Якса перевернулся на бок с руками в колодках. Застонал, кровавая пена выступила у него на губах. Так и лежал с закрытыми глазами.

- Играйте. Только никуда не уходите! - рассмеялся Булксу.

- А он не убежит?

- Тут всюду стражники. У него нет сил, да и куда бы ему бежать!

Могке наклонился над Яксой. Заглянул ему в лицо, обошел, потыкал палочкой, которую поднял с земли.

- Смотри, - крикнул он сестре. - Он выглядит как сын козопаса! Словно всю жизнь под скотиной лежал! Грязнуля, фу! Смердит! Все лендичи - трусы и

смердюхи. Папа говорил, что они не умеют сражаться.

Селенэ наклонилась над едва живым мальчиком. И вдруг, не пойми отчего, погладила того по щеке.

- Оставь! - сказала девочка. - Он едва живой. Наверняка через многое прошел. Как тебя зовут? Как?

Мальчик поводил за ней глазами, но было понятно, что он не понимает. Потому она приложила ладонь к груди и сказала одно слово:

- Селенэ!

Незнакомец открыл рот и что-то с трудом прохрипел. Но это был не голос.

- А ты? - указала она на пленника, похлопала его по голове. - Тебя - как?

Он застонал, но ничего не сказал. словно бы дурное время связало ему язык. Он с трудом повернулся, передвинулся, но, хотя сидел, не сумел даже лечь - потому что тогда уперся бы в землю колодками, а те - давили ему в шею и в запястья. Потому мальчик только стонал.

- Сыграешь с нами? - спросила она. - Сыграешь?

Он показал глазами на колодки, встряхнул ими.

- Болит? Бедненький...

Могке бегал вокруг них, пытался палкой бить Яксу, потом ткнул той ему в глаз. Селенэ отогнала брата как приставучего слепня. Сердце ее колотилось.

- Могке, успокойся, поиграем вместе, хорошо?

Мальчик вдруг остановился и закивал:

- Но он связанный.

- Он не станет играть, потому что ему больно. Давай его освободим.
- Отец нас прибьет! Хочешь познакомиться с нагайкой Онгаса?
- Онгас спит, упился кумысом, рабыня отгоняет от него мух. Пойдем поможем ему, только на время. Потом наденем назад.
- Нет! Я не хочу!
- А играть хочешь? Ты скучал целый день, с самого утра.

Вдруг он кивнул:

- Но не здесь. Пойдем за юрту.

Якса едва мог идти, падал, хромал, шатался из стороны в сторону. Они едва-едва удерживали его на ногах; Селенэ взялась за колодки (поняла тогда, насколько те тяжелы). Провела его за юрту, на кучу сена около ограды из жердей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/komuda_yacek/yaksa-bes-idet-za-mnoy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)